

The background of the cover is a romantic illustration of a man and a woman in a misty, autumnal forest. The man, on the left, has long, light-colored hair styled in a thick braid and is wearing a dark, textured tunic with a chainmail-like pattern on the sleeves. He is looking down at the woman with a gentle expression. The woman, on the right, has long, flowing blonde hair and is wearing a blue patterned dress with a thick fur collar. She is leaning her head against the man's chest, her eyes closed in a peaceful state. The background is filled with soft, out-of-focus trees and branches with autumn leaves in shades of red, orange, and yellow. The overall mood is tender and mysterious.

МАРИЯ ЛУНЁВА

Твой шёпот в
ТУМАНЕ

Мария Лунёва

Твой шёпот в тумане

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67567335

Аннотация

«...Его зрение угасало, и теперь он искал свой дом скорее по запаху. Вишня. Мелкие розовые цветки на высоком раскидистом дереве делали его родное жилище узнаваемым даже ночью. Он вдыхал воздух, пропуская его через нос, и всё пытался уловить сладкие нотки, которые бы подсказали ему, что его цель достигнута.

А желал он немногого. Замутнённый разум шептал только одно:

«Вернуться к своим девочкам!»

Даже умерев, он не мог простить себе того, что оставил дочерей совсем одних и, повинаясь своей последней мысли, своей боли и страху, мёртвый отец пытался вернуться домой. Туда, где за бедным накрытым цветной скатертью столом сидят его красавицы и ждут, поглядывая в окошко...»

Содержание

Пролог	4
Глава 1	10
Глава 2	27
Глава 3	45
Глава 4	64
Глава 5	85
Глава 6	104
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Мария Лунева

Твой шёпот в тумане

Пролог

Тяжёлый туман стелился под ногами. Ночной мрак слабо освещал молодой месяц, но того света, что проникал на землю через редкие облака, хватало чтобы бредущий по разбитой деревенской дороге человек мог хоть немного ориентироваться в пространстве.

Шатаясь, он кутался в окровавленную старую куртку, подбитую кроличьим мехом, и всё ещё зажимал рану, хотя кровь в ней уже свернулась. Белеющие пальцы стягивали ворот, пытаясь сохранить ускользящее тепло. Мужчина ещё не осознал, что это остывает его тело. Ноги несли его вперёд, и как безумец, придерживаясь за заборы чужих домов, он стремился туда, где его ждут и любят.

Его зрение угасало, и теперь он искал свой дом скорее по запаху. Вишня. Мелкие розовые цветки на высоком раскидистом дереве делали его родное жилище узнаваемым даже ночью. Он вдыхал воздух, пропуская его через нос, и всё пытался уловить сладкие нотки, которые бы подсказали ему, что его цель достигнута.

А желал он немногого. Замутнённый разум шептал только

одно:

«Вернуться к своим девочкам!»

Даже умерев, он не мог простить себе того, что оставил дочерей совсем одних и, повинувшись своей последней мысли, своей боли и страху, мёртвый отец пытался вернуться домой. Туда, где за бедным накрытым цветной скатертью столом сидят его красавицы и ждут, поглядывая в окошко.

Томмали наверняка разогревает уже в какой раз суп на затопленной печи. Лестра по своему обычаю плетёт пояски из кожаных лент, а малышка Эмбер... его Эмбер опять болеет. Мужчина разжал правую руку, в которой всё ещё был холщовый мешочек. Да. Вернуться домой и принести траву, помогающую справиться с лихорадкой. Дойти и отдать это Томмали. Она запарит её, напоит Эмбер и болезнь отступит.

Мёртвое сердце кольнула острая боль. Оно ещё раз встрепенулось в попытке ожить и замерло.

Мужчина остановился и затряс головой. Разум угасал, воспоминания стремительно исчезали, таяли, как утренняя дымка.

Он вернётся домой. Он дойдёт к своим любимым девочкам. Защитит. Не оставит.

И отец снова пошёл вперёд, ориентируясь на запах. Ему нужно туда, где витает аромат вишни. Вот впереди очертания родного забора и крыши. Спотыкаясь и заметно шатаясь, он пошёл дальше.

Знакомо скрипнула калитка. Свет в окне. Так было заве-

дено: пока кого-то не было дома, свечу на подоконнике не гасили. И огонёк светил, указывая путнику, что его ждут и любят.

Пройдя через незапертую деревянную калитку, мужчина добрёл до сарая и упал на небольшой холм земли с торчащей доской, на которой было вырезано только лишь имя «Ит-эр». Его сын, не проживший и месяца, но, тем не менее, любимый и такой желанный. Скоро они будут вместе. Подняв грязную руку, мужчина провёл дрожащими пальцами по досочке, пытаясь удержать остатки воспоминаний.

Его мальчик. Такой крошечный, с чубчиком редких тёмных волос. Так похожий на него.

Позади скрипнула входная дверь, заставив мужчину замереть и вспомнить о травах. Он дошёл. Теперь нужно отдать. Эмбер.

В серых затуманенных глазах окончательно погасла жизнь.

– Папа, – тихий шёпот снова разбудил его сознание. – Папочка, это ты?

– Томмали, – выдохнул мертвяк и повернулся на спину. Его старшая доченька замерла в каком-то шаге от него со свечкой в руках. Холодный ветер трепал длинное серое платье. Совсем взрослая. Невеста. А он не увидит её в свадебном платье. Скупая слеза скатилась по серой щеке.

– Папа, почему ты лежишь? – в тонком голосе слышался страх. – Папочка, поднимайся.

Мужчина поднял руку с зажатым в ней мешочком, но тот выпал из ставших непослушными пальцев.

– Прости, милая, я не мог вас бросить. Не мог не вернуть-ся домой, – его слова становились всё невнятнее. – Завари и напои Эмбер. Береги её, Тома. Береги их обеих.

– Папа, – свеча выпала из дрожащих рук девушки и погасла, покотившись по земле. – Папа, нет. Я прошу тебя, нет. Ты не можешь, папа. Ну, пожалуйста.

Обезумевшая дочь бросилась на грудь мужчины и, не обращая внимания на уже свернувшуюся кровь, тихо ударила по ней кулачками.

– Папочка, – умоляла она, – борись!

– Поздно, милая, – промычал он. – Добей меня и похоро-ни рядом с матерью.

– Нет, я не смогу, папа, – рыдая, она обхватила его зарос-шее щетиной лицо и заглянула в родные любимые глаза. – Как же мы? Что будет с Лестрой и Эмбер. Папа, не бросай нас!

Обняв, она прижалась к мёртвому телу, ища утешения и привычного тепла.

– Ты справишься, – отец тихо погладил свою дочь уже остывшей рукой по волосам. – Ты сильная, Томмали. Ты моя гордость!

Его голос звучал всё тише.

– Я не смогу, папа, – подняв лицо, она умоляюще взгля-нула в его глаза.

– Сможешь, а сейчас неси вилы, – приказал он.

– Нет, – девушка в ужасе покачала головой и трусливоглянула на освещённое окно, боясь увидеть там сестёр.

– Не дай мне превратиться в безумца и навредить вам, – настойчиво зашептал мужчина, теряя остатки разума, но хватаясь за ускользающие мысли. – Сделай, что я прошу, дочь. Я хочу быть рядом с вами вот здесь, в этой земле. Не отказывай мне в этом, Томма. Не обрекай на участь скитальца. Я хочу быть тут, понимаешь, с вами, мои малышки, с женой и любимым сыном. Прошу, Тома.

Кивнув головой, девушка поднялась. На трясущихся ногах отошла от отца на шаг. В её глазах было осознание и ужас.

Папы больше нет.

Сгорбившись, Томма сделала, что велели, и вынесла стоящие в сарае вилы, но добить родного человека рука не поднялась. Размазывая слёзы по лицу, она, не отрываясь, смотрела на отца и не могла решиться. В его глазах угасал огонёк разума. Зарывав на нее, мёртвый попытался подняться.

Это подтолкнуло её к действию: там, в доме, Эмбер и Лестра. Приставив к груди мужчины вилы, она зарыдала громче, понимая, что не сумеет.

Но её любимый папа не подвел и не дал испачкать руки кровью. Уцепившись за вилы, он из последних сил дёрнул их на себя, пронзая грудь и развеивая остатки жизни.

– Я люблю вас, милая, и всегда буду рядом.

Прошептав последние слова, умертвие упало навзничь.

Подняв с земли мешочек с травой, Томма прижала его к груди. Теперь её очередь быть главой семьи. Теперь жизнь её сестёр зависит только от того, насколько сильной она будет.

— Я не подведу, папочка, — тихо зашептала она. — Я сделаю всё для них. Ты будешь мной гордиться. А сейчас спи, любимый мой. Спи и не переживай о нас.

Схватив лопату, она принялась копать яму. Слезы градом стекали из глаз, мешая ей, то и дело оборачиваясь, она видела свечку на подоконнике. Теперь им уже некого ждать. Папа больше никогда не уйдёт в лес.

Голодный туман оставил их сиротами.

К утру за сараем появилась свежая могила. В доме остались три убитые горем молодые женщины.

Глава 1

Поднявшись на пригорок и обойдя заброшенный полуразобранный дом, я остановилась и с замиранием сердца глянула вниз на линию леса. Я и так знала, что там увижу, но каждый раз наивно закрывала глаза и просила богов, чтобы хотя бы сегодня туман был спокоен и сыт. Но, нет! Тонкие и прозрачные сизые щупальца огибали деревья, частично скрывая их кроны от человеческого взора.

Туман искал новую жертву.

В голове возникла трусливая мысль: повернуть домой и сказать сёстрам, что идти в лес сегодня опасно. Что туман слишком близко, деревьев не видать толком. Тихо, и птицы не поют. Но представив их реакцию, я лишь тяжело вздохнула. Нам нужно есть. А в погребе шаром покати. Только плесень по углам.

Как и туман, жители нашей деревни вечно были голодны, так как достатка давно ни у кого не водилось. Даже до войны мы жили бедно, а теперь уж и подавно за гранью босой и голодной нищеты.

Оглянувшись, я безошибочно нашла крышу нашего дома. Ветхая, облупленная, в залатанных дырах, но с всё ещё целым дымоходом, из которого не вырывался дым. Топить было нечем. И ещё одна причина, по которой я должна была идти в лес.

Обязана, и это даже не обсуждалось. Если не я, то этого не сделает никто.

Спрятав на мгновение лицо в руках, я, прикусив от страха губу, всё же сделала шаг вперед. Так надо. Лес – последний кормилец. Там хворост, там расставленные мною петли на зайца и силки на птиц. Там есть хоть какая-то еда.

Как можно медленнее спускаясь с пригорка, заметила вдалеке бредущих со стороны леса мужчин. Опознать односельчан с такого расстояния было сложно: мы все по весне носили одинаковые чёрные кожухи, пошитые стариком Тарко. Даже на мне сейчас был такой же кафтан, подбитый заячьим мехом. Но моё внимание привлекло то, что один из мужчин нёс на руках.

И это было точно не убитое животное.

Зажмурившись, приказала себе не приглядываться. Я узнаю обо всём по приходу домой. Если в деревне очередное горе – моя сестра Лестра быстро собирает сплетни. А после весь вечер будет обмусоливать подробности чужого несчастья.

Я знала это наверняка.

После смерти родителей она только и твердила о том, что нужно уходить на юг. Что все умные люди так уже давно сделали и, наверняка, живут где-нибудь счастливо и сытно. Что в нашем селении совсем нет женихов, и в перспективе остаться старыми девами и сгинуть в тумане.

Она твердила это без усталости. При каждом удобном случае:

когда кто-то не возвращался домой, когда мёртвые в деревню забредали, когда еда заканчивалась, и этих «когда» были десятки.

Только вот Лестра не желала принимать к сведению лишь одну деталь: наша младшая сестра Эмбер была больна. Она на улицу-то лишний раз не выходила. Куда ей осилить путь на юг, а бросить её одну в полуразвалившемся доме я никогда не смогу. Я не сумею жить и радоваться, зная, что погубила родного человека.

Что в родительском доме осталась умирать родненькая душа.

А Лестра могла. Каждое утро просыпаясь, я проверяла, не сбежала ли она. Ведь её уход значительно ухудшил бы и без того тяжёлую жизнь. Хотя в глубине души я понимала, что она вправе уйти и поискать лучшей доли.

Кто-то просвистел за моей спиной. Оглянувшись, заметила, как из леса выскочили мальчишки.

– Мертвяки? – в ужасе прокричала вопрос.

– Нет, – прогорланил в ответ один из мальчуганов, наш сосед. – Но туман сгущается, мы видали тени.

– Но мертвяков нет? – обеспокоенно уточнила я.

– Не видали, – прокричал он и рванул в сторону дома.

В его руках я заметила тушку зайца. Значит, зверь всё же есть.

Ускорив шаг, я уходила вглубь леса, безошибочно находя свои тропы. Прошла всего пара минут, как я набрела

на первую петлю – пуста. Обречённо я спешно отправилась дальше, стараясь не соприкасаться с щупальцами густого белого тумана, которые, извиваясь, следовали за мной, поджидая удобного случая, чтобы выпить из меня жизнь до дна.

Вторая петля добычи также не принесла. Пустыми оказались и силки.

Насобирав немного черемши в плетёную корзинку, что взяла с собой, принялась искать толстые сухие ветви для растопки печи. Поленья у нас были, а вот щепы и веток, чтобы огонь разыгрался, увы, нет.

Углубляясь в лес, торопливо связывала найденный хворост в вязанку. Находя опавшие ветви, перебивала их небольшим топориком пополам, а то и на три-четыре части и вновь закидывала увесистую связку на плечи.

Тяжело, конечно, но такая тяжесть была только в радость. Хоть дом немного протопить.

Удача нашла меня лишь на пятой, предпоследней петле. В ней оказался довольно упитанный и ещё живой заяц. Замахнувшись палкой, я сделала то, что и много раз до этого. Но слёзы всё равно покатались градом из моих глаз. Я не могла лишиться жизни живое существо и остаться безучастной к этому. Моё сердце так и не очерствело.

Я уговаривала себя, что это для сестер. Что это для Эмбер. Что ей нужно регулярно питаться. Этого зайчика хватит на пару дней. Но мои руки, как и прежде, тряслись, а горло сжимали спазмы рыданий. Я чувствовала себя чудовищем.

Убийцей. Чем-то грязным и недостойным. И никакие уговоры не оправдывали того, что я делала. Да, деревенские девушки должны быть привычны к такому делу, но папа всегда баловал нас и ограждал от любой смерти.

Утирая слёзы грязными ладонями, я засунула ещё теплую тушку в холщовый мешок и уложила на дно корзины. Подняла тяжёлые дрова и поплелась проверять последнюю петлю.

Она оказалась пуста.

Возвращаясь домой, я постаралась скрыть все следы слёз с лица. Я не желала показывать сёстрам, насколько мне трудно. Со смертью папы именно я заняла место главы семьи, но бремя это оказалось слишком тяжёлым. Покажи я свою слабость, так Лестра тут же заведёт песню о том, что нужно уходить на юг, а Эмбер, чувствуя свою вину, просто накроется одеялом с головой, отвернётся к стене и пролежит так пару дней, не вставая.

Всё чаще я ловила её взгляд на нашем сарае. В итоге, опасаясь, как бы младшая сестричка не смалодушничала и не наложила на себя руки, закрыла его на тяжёлый засов.

Наша семья трещала по швам, и страшнее всего мне было осознавать, что рано или поздно наступит момент, когда мне придётся выбирать: уйти с Лестрой в поисках иной жизни, или остаться здесь с Эмбер и обречь себя, скорее всего, на смерть. Ведь туман придёт когда-нибудь и за мной. Он всех нас заберёт.

Туман вечно голоден, как и мы.

Возвращаясь, я стала замечать, как смолкли и без того редкие трели птиц, а потом и вовсе за спиной треснула ветка. Пусть и не совсем близко, но всё же. Не думая и не гадая, я сорвалась на бег. Конечно, пробираться по лесу с тяжёлой корзиной, в которой лежала драгоценная добыча и с большой связкой толстых ветвей на плечах, было сложно, но страх гнал меня вперёд и шептал: не жаловаться и не останавливаться, чтобы я ни увидела и ни услышала. И я бежала, спотыкаясь и сбивая пальцы на ногах.

Темнело быстро. Небо затягивали тяжёлые тучи. Зацепившись ногой за хвост странного идола-змеелюда, затянутого туманной дымкой, приостановилась, разглядывая его. В нашем лесу встречались такие резные деревянные статуи, но никто не знал, откуда они и для чего установлены здесь.

Позади снова хрустнула трухлявая ветка.

Это придало мне скорости. Мелькнула мысль – скинуть дрова, но первая капля дождя, упавшая на лицо, заставила резко передумать. Крыша дома протекает, сквозняк из всех щелей в стенах. Дом нужно отапливать, иначе Эмбер заболеет и зайдётся кашлем.

Я неслась вперёд, стараясь внимательно смотреть, куда наступаю, потому как, упав, я могла уже и не встать живой.

Запахавшись, я наконец добралась до тропинки, ведущей в старую часть нашей некогда большой деревни. До войны в ней проживало около тысячи человек. Крестьяне, охотники, мастера. Мы и поля сеяли, и урожай собирали, и в лес

большими группами ходили. Мертвяки нас боялись. Носа из тумана не показывали.

Мой отец был отличным дровосеком, уважаемым человеком. Мама обладала целительским даром, поэтому к нам в дом постоянно кто-то приходил. У кого рана, у кого хворь, мама никому не отказывала. В благодарность денег не брала, вот и несли нам гостинцы всякие, чаще съестные.

А потом на наше княжество напали соседи. Прииски им княжеские приглянулись. На южной стороне этих земель уголь буквально под ногами валялся: только лопатой копни и в ведро засыпай. Пока жив был старый князь, жили мы не худо, а как схоронили его, так взял власть в свои руки зять его. И начались наши беды.

Сначала перестали привозить продукты в обозах, что раньше были положены северным селеньям. Затем пришла весть о войне. Всех мужчин увели, оставили только стариков, мальчишек, да убогих. Мало кто вернулся домой. А те, что нашли тропинку обратную, молчали о том, что видали и где были, и наотрез отказывались уходить на юг, даже когда пришёл лютый голод.

Папа слушать не желал о том, чтобы покинуть наше село. Он злился, стоило Лестре или маме завести об этом разговор.

За моей спиной снова послышались неясные шаги и хруст ломающихся сухих ветвей. Обернувшись, я заметила маячившие тени. Перехватив удобнее вязанку и крепче сжав

плетёную ручку корзинки, быстро, насколько могла, побежала мимо пустых заброшенных домов. Тут уже лет пять как никто не жил. Те немногие, что ещё не покинули эти места, предпочли перебраться в дома в стороне от начала леса.

Пробегая по размытой дороге мимо пустых полуразобранных строений, я держалась подальше от открытых ворот и проёмов дверей, зная, что и там можно встретить неожиданного гостя. Мертвяки настолько свободно себя здесь чувствовали, что нередко забирались в такие дома.

Добравшись до первой жилой улицы, наконец, перешла на шаг и выравнила дыхание. Нужно быстрее домой. Дождь усиливался, а простыть я никак не хотела. Спеша по дороге, заметила скопление народа и среди него – знакомую черно-волосую головку.

Лестра!

Завернув к соседскому дому, я направилась узнать, в чём там дело, и почему сестра торчит здесь под дождем. Но по мере приближения все вопросы отпали сами собой. Я видела заплаканные лица соседей и понимала, что в отличие от меня, кто-то сегодня живым домой не пришёл. У самого крыльца ветхого домишки, в котором проживали отец с двумя дочерьми, увидела страшную, но уже привычную картину. Пожилой мужчина, сгорбившись, сидел на ступеньках, а перед ним, прямо на земле, лежала его старшая дочь Ганья. И спрашивать ни о чём не нужно было, и так понятно, что её разодрали. Второй девушки, Наньи, видно не было.

– Пропала, – тихо шепнула подошедшая сзади Лестра, – всё утро их искали. Ганью нашли у самых первых деревьев: чуть-чуть домой не добежала, а сестры её и следов нет.

– Жаль, – выдохнула я.

– Чего жалеть?! Убираться отсюда надо, пока до нас не добрались, – завелась сестра.

– Не начинай, Лестра, здесь не место и не время, – я пыталась оборвать начинающуюся ссору.

– А когда время? Как меня найдут под деревом каким, или, что ещё хуже, вовсе не сыщут? Буду мертвяком по туману шастать, – сестра всё-таки завела свою любимую «песню». Я отчасти понимала её: она увидела мёртвой подругу. Они ещё малышками с Ганьей и Наньей по деревне бегали, яблоки у соседей таскали из садов. А теперь одна из них пропала, а вторая вот располосованная лежит. Но всё же, это не причина идти на поводу у чувств и не слушать доводов разума.

– Хватит, Лестра, – тихо прошептала я. – Ты даже в лес не ходишь.

– Я может, и не хожу, зато туман к нам очень даже приходит, – зашипела она в ответ, поглядывая на тело подруги. – И в последнее время всё чаще. Нужно идти на юг и всё тут!

– Эмбер больна, – шикнула я.

Лицо сестры искажил не свойственный ей гнев, и я поняла, что в этот раз простой ссорой не обойдётся.

– Эмбер, по-хорошему, могла бы давно сделать одолже-

ние и отправиться в мир иной и прекратить висеть грузом на наших шеях. Здесь её ждет только смерть, а там у неё есть шанс выжить.

Услышав такое, я впилась взглядом в её лицо. Всяко бывало, но чтобы Лестра младшей сестре смерти желала! Это уже переходит все границы. Тем более, что она не меньше меня за младшенькой нашей ухаживала. Видимо, смерть Ганьи остатки разума ей вышибла.

– Думай, что говоришь, – прошипела теперь уже я.

– А я думаю! И понимаю, что единственная причина, по которой я должна оставаться посреди медленно умирающей деревни – это обречённая сестрица, которая только и делает, что спит и ест. Какой смысл цепляться за её жизнь, если она всё равно обречена? И ты обречена, и я тоже. Но почему я должна похоронить себя здесь рядом с ней, если есть шанс для всех нас?

В растерянности я оглянулась. На нас с сестрой ожидаемо никто не смотрел. Все уже привыкли к сложному характеру Лестры и не реагировали на неё.

– Эмбер – наша сестра, часть нашей семьи. Она слаба и не дойдёт до южных деревень. Ты хочешь, чтобы она испустила дух на наших руках в дороге? – немного зло процедила я шёпотом.

– Нет больше никакой семьи. Мама умерла, отец тоже. Есть только упрямая, как ослица, ты и чахлая Эм. А я не собираюсь здесь более оставаться. Я уйду, Томмали, с вами

или без вас!

– Никуда ты не пойдёшь, – моё терпение лопнуло. – Там опасно, там озверевшие от войны люди, кучи бездомных, там...

Сестра отвернулась от меня.

– Там хоть живые, а тут деревня призраков. Дай нам всем шанс! Какая разница, умрет Эм здесь или попытается дойти до южных деревень? А вдруг она сможет?! – прошептала она и бодро направилась к нашему дому.

Вздыхнув, я поплелась вслед за ней, таща на себе дрова и корзину с зайцем.

Ну как с ней быть?! Она уже взрослая, всего на три года меня младше. Моё слово уже ничего для неё не значит. Как ей объяснить, что там, на юге, иной враг, который может быть пострашнее порождений тумана. Как рассказать Лестре, не покидавшей пределы этой деревни, что в иных местах голод – не самое страшное. Что невинную девушку могут и насильничать, и в рабство продать, особенно, если поймут, что за её спиной ни рода, ни семьи, ни отца.

Я сама-то о тех ужасах только лишь со слов отца знаю: выпивал он порою ягодной настойки, когда раны, полученные в битвах, воспалялись, да пьяный рассказывал маме, что видел, и что творилось, когда они в деревни входили. И про то, как девушек молоденьких портили, как местных вырезали в хмельном угаре.

Наслушавшись рассказов, я поняла одно – хорошо там,

где нас нет. А мёртвые в тумане – не самое страшное, что бывает на свете.

А теперь как объяснить всё Лестре? Как?

Отпустить?! Пропадёт ведь. Она даже здесь, в родном гнезде, проблем не видела. А там? Что будет, когда она столкнётся с трудностями? Сердце разрывалось от боли. Но есть ещё и Эмбер. Ей только девятнадцать лет исполнилось. Да, не ребенок, в её возрасте мама мною беременна была. Но из-за болезни она такая худенькая, что внешностью за подростка сойдёт.

Как же сохранить семью? Как сохранить то, чего уже и нет?

Дождь сменил интенсивность и неспешно окроплял дорожку, дома и заборы. Омывал молоденькую листву на деревьях и молодую поросль травы.

Войдя в наш двор, я скинула вязанку возле ветхой двери. Еще в том году по осени она перекосилась и теперь неплотно прилегала к косяку. Дом разваливался на глазах, а я не имела понятия, как его чинить. Как заделать дыры в крыше? Как и чем замазать появившиеся щели в стенах? Того, что я делала, было недостаточно: дом нуждался в капитальном ремонте. Ещё одной зимы в нем мы могли и не пережить.

Позади меня раздался скрип.

Испугавшись, я резко обернулась, готовая сорваться на бег в любой момент. Калитка ещё раз качнулась, издала скрип и упала. Вот и всё! Я тяжело выдохнула. Теперь и двор

нараспашку.

Поджав губы, вошла в дом.

По единственной жилой комнате вихрем носилась Лестра и сгребала вещи в разложенную на полу штопаную простыню.

– Что ты делаешь? – пройдя в комнату, я выхватила из кучи вязаный отцовский свитер и тёплые гамаши, которые носила Эмбер.

– Собираюсь в дорогу! – с вызовом выкрикнула сестра и продолжила обчищать небольшой комод.

– А зачем тебе и наши вещи? – откровенно злясь, поинтересовалась я.

– А вы, считай, покойники. Вас и так прикопают в одеялах. А я еще пожить хочу, – с довольной улыбкой ответила она.

– Лестра, хватит! – не удержавшись, прикрикнула я.

– Не кричи на меня, – она развернулась и на эмоциях бросила скомканное в руках моё платье в общую кучу на полу. – Ты мне не мать! То, что ты на пару лет старше, ещё ни о чем не говорит. Мне уже двадцать два года. Мне замуж пора. А я торчу здесь с вами, трачу молодость впустую. Ты-то понятно, уже старая дева. Тебе уже ничто не светит, а у меня ещё есть шанс хорошо пристроиться, – хохотнув, сестра принялась завязывать узелок. Это взбесило меня окончательно.

Вывхватив у нее из рук простыню, развязала узел и вытряхнула наш общий гардероб.

– Хочешь бросить нас?! – выдохнула я в полном бессилии от понимания, что не послушает она меня в этот раз. – Ну, так и убирайся. Мы с Эмбер и без тебя проживём: на целую тунейдку меньше будет, – зло прорычала я. – А вещи тебе ни к чему. Там, на юге княжества, девиц насилуют, там каннибализм. Это у нас лес да зверьё с Северной стороны приходит, травы хоть какие-то, а там голая степь и всё сожрано. Тебе вещи не пригодятся – тебя и без них оприходуют. А мы тут ещё проживём, правда, Эмбер? – только сейчас я глянула на кровать. Там, сжавшись в комочек, лежала наша младшая сестрёнка. Она молчала, отвернувшись к стене.

– Ага, я тунейдка, значит. А от неё что, толку больше? – прошипела Лестра.

– Больше, – не задумываясь, ответила я, – она и в доме прибирается, и стены изнутри заделывает, и рамы уже промазала. Она хоть пытается помочь, в отличие от тебя. Эмбер не ноет, не устраивает скандалов, не качает права и не предаёт.

Лестра, перекинув толстую смоляную косу через плечо, глянула на младшую. Столько ненависти было в её взгляде!

– Ну, раз она такая расчудесная, то и померла бы уже и не обременяла собой сестёр! – выпалила она.

– Заткнись!!! – выкрикнула я. – Замолчи, Лестра! Не смей, слышишь! Не смей даже говорить такое. Хочешь уйти? – разложив на полу простыню, я, особо не глядя, накидала на неё вещи, какие первыми под руку попали. Завязав

узелок, я пихнула его в руки сестры. – Убирайся из нашего дома. Уходи! – прошипела я зло. – Выметайся!

– Нет, Томмали, – тихо прохрипела с кровати Эмбер. Она привсталала, и на её худое личико с черными болезненными кругами под глазами упала длинная чёлка. – Она правильно говорит, это я виновата. Это из-за меня!

– Хватит! – рявкнула я. – Никто ни в чём не виноват. Это жизнь. Я не хочу идти в южные селения. Не хочу перебираться в соседние княжества. Я хочу жить там, где и живу.

– Да почему? – взывала Лестра. – Что ты вцепилась в эти руины? Отец дураком был, а ты ещё хуже!

– Нет, он дураком не был! – закричала я, – ты не слышала, что он говорил, что он рассказывал. Да они людей жрали! Они деревни сжигали.

– Не ври! – подлетев, Лестра зарядила мне звонкую пощёчину, – Папа такого не делал! Ты врёшь всё. Там война закончилась, там достаток!

Потерев лицо, я расплылась в снисходительной улыбке.

– Достаток, – сладко пропела я, – а где же тогда торговцы, которые привезли бы нам товар? Где княжеские распорядители, которые засеяли бы поля? А где сам князь? Туман разрастается, мертвяки спокойно по деревням гуляют! Раз там всё так благополучно, что же он про север не вспоминает? Ты ведь слышала новость? Чуть дальше от нас в тумане брешь. Там странные отряды воинов свободно разъезжают. Ну, и где же князь? У нас чужаки под носом, что же он не

спешит от пришлых защищаться?

Лестра зло поджала губы, но слов явно не находила.

– А я тебе скажу, – я ткнула в неё указательным пальцем. – Князь наш пусть войну и выиграл, да казну разбазарил. Шатки дела его. Там достаток только в замке, а вокруг такой же голод. Только ещё куча бродяг, бандитов и гурон водится. Сюда они не идут, что им тут делать? Они южнее промышляют, разворовывают то, что война не уничтожила.

– Глупости, – упрямо выдохнула Лестра. – Ты всё врёшь. А я всё равно уйду!

– Куда? – рыкнула я.

– А не важно, куда! От вас подальше. Надоело мне охранять дом, да травки парить. Я для себя пожить хочу. Для себя, понимаешь!

И я, наконец, всё поняла. Никакой юг ей не нужен. Она банально не хочет возиться с больной сестрой, не стремится брать на себя ответственность. Просто желает избавиться от проблем.

– Ты и меня с собой зовёшь, чтобы я тебя там обстирывала да кормила? А ты бы для себя жила, да, – прошептала я.

– Что, дошло? – выкрикнула она мне прямо в лицо. – Ты всегда такой была – Святая Томмали. Всех накормит, всем стирает, дом приберёт, и про соседей не забудет. Мамина помощница, папина гордость. Дура ты! Все на тебе катаются, а ты и везёшь. А я не такая. И гробить себя ради вас я не буду. Оставайся со своей чахотошной, и загибайтесь здесь обе. А

я пристроюсь, где потеплее, и заживу в своё удовольствие.

– Ну и убирайся, – севшим голосом пробормотала я, – и не возвращайся.

– Возвращаться?! – Лестра дошла до двери и рассмеялась. – Могилы себе заранее вырыть не забудьте, а то так и спалят тут ваши холодные трупы вместе с домом. Никто ради вас лопатами зазря махать не станет.

С этими словами она вышла и хлопнула дверью. Сверху посыпались кусочки глины, которыми я замазывала щели.

Сев на кровать, уставилась на оставшиеся лежать на полу вещи. Вот и пришёл конец нашей семье. Моего плеча несмело коснулась тонкая холодная ручка.

– Она вернётся. Остынет и поймет, что наговорила. Эта же наша Лестра. Она это всё из-за меня. Прости, Томма, – надрывным от слёз голосом прошептала Эм, – прости, сестрёнка. Я буду помогать тебе, я всё-всё сделаю. Только прости меня.

Повернувшись, я прижала её голову к груди. Мне нечего было ей сказать и нечего прощать. Её вины нет. Никто ни в чём не виноват. Просто такая у нас у всех судьба. А Лестра... пусть идёт своей дорогой. Она сделала свой выбор, а я – свой.

Глава 2

Сидя на толстом бревне у сарая, всё не могла понять: как я позволила уйти сестре, как же не справилась с эмоциями. Своими руками сунула ей узелок с вещами. А теперь уже три дня места себе не нахожу.

Вот где она? Что с ней?

Как и любой одарённый магией житель нашего мира, я чувствовала родных людей сердцем. Я знала, что Лестра жива, но и только-то: невидимая ниточка, соединяющая нас, ослабевала. Хотя связь между нами никогда не была сильной, даже младшую Эмбер я чувствовала острее в десятки раз, и даже могла определить, когда ей становилось хуже. Конечно, тому были свои причины, я ведь фактически растила её. Но и Лестра мне совсем не чужая.

Но всё же связь с ней истончалась.

Я чувствовала свою вину перед младшими сёстрами. Общими. После смерти папы я должна была полностью заменить им родителей: воспитывать их, кормить, одевать, заботиться о безопасности, а я не справилась.

Совсем не справилась.

За два года дом развалился, забор полностью прогнил и нуждался в замене. Калитка и вовсе отвалилась, и все мои попытки приладить её на место успехом не увенчались.

Идти кого-то о помощи просить?

Да некого! В деревне мужиков с два десятка наберется, и половина из них ещё мальчишки, по сути. Разве что Эгора попросить, соседа нашего. Он хоть и подросток, но малый толковый. В его руках всё горит. Если бы не он, вся семья сгинула бы. Их батяка вместе с моим в лес ходил, только, в отличие от моего, его так и не нашли. Бродит где по лесу неприкаянный теперь. Так и осталась наша соседка вдовой с тремя ребятишками. И как бы стыдно мне не было это признавать, но Эгор прекрасно справляется с ролью главы семьи. У них и дом крепче, и огород хоть какой-то имеется. А я что ни посажу – всё вянет.словно земля у нас проклятая.

Вздохнув, взяла корзинку и поднялась на ноги.

– Может, не пойдёшь? – послышалось за моей спиной. Оглянувшись, увидела вышедшую во двор Эмбер. – Мясо ведь ещё есть, а ветки на растопку мы и около леса собрать можем. Я помогу тебе, я уже и оделась.

Взглянув на свою младшенькую сестричку, невольно улыбнулась ей, а у самой комок к горлу подступил. В отцовском свитере и в гамашах она походила на болезненного подростка, а не на молодую женщину. Светлые волосы собраны в худенькие косички. И огромные голубые глаза, в которых и горела жизнь. Эмбер была бы первой красавицей, если бы...

И вот это «если бы» перечеркивало всё.

Она нездорова. И хуже всего, видимых причин болезни даже мама найти не смогла. Она пыталась её лечить, но лишилась сил. Выгорела. А Эмбер так и осталась немощной и

слабой.

– Томма, возьми меня хоть раз с собой. Мне надоело быть паразиткой. Я не подведу, правда, – Эм в детской манере сложила сжатые в кулачки руки на груди и просяще посмотрела мне в глаза.

Но я не могла пойти у неё на поводу.

– У меня осталась только ты, кролик, – я постаралась улыбнуться как можно радостней, но сама почувствовала, насколько жалко это вышло. – Там страшно, сестричка, и очень опасно. Здоровые не возвращаются, мужчины погибают, ну, куда ты пойдешь? К тому же и по дому дел много.

Она расстроилась. Огромные васильковые глаза погасли.

– Эмбер, – бросив корзину, я подошла к сестре и прижала её к своей груди так, как мама делала когда-то. – У нас никого больше нет, а не станет тебя – и мне жить незачем. Я эгоистка, милая. Я не могу лишиться семьи. Я никогда не возьму тебя с собой. Не станет тебя, и мне из тумана возвращаться будет не к кому. А так я знаю, что дома у окна ждёт младшая сестричка. Она зажигает свечу, чтобы я видела, что она не спит. Что она волнуется и верит в меня. Только так я и возвращаюсь, Эм. Только ты меня и удерживаешь.

Плечи сестрёнки подозрительно передёрнулись.

– Не плачь, слышишь! С каким сердцем я уйду, зная, что ты плачешь?

Она подняла на меня взгляд. Иногда Эмбер поражала меня своей стойкостью и желанием жить. Просто дышать и ра-

доваться мелочам. Солнцу, ветру, дождю, последней морковке. Бывало, мы с Лестрой злимся, решаем, что на ужин приготовить, когда по полкам шаром покати. А Эм спустится в кладовую, найдёт пару картошин и какую-нибудь зелень пересушенную, и начинает рассказывать нам рецепт нового супа. Вроде вода да клубни растолчённые в ней, а уже не так печально всё кажется.

– Я не буду плакать, правда, – сестра улыбнулась. – Я сильной стану. Я останусь дома и сварю бульон, а ты зелени принеси и черемши побольше. Те кустики, что мы сажали, пропали. Мне кажется, это я на них влияю.

– Что за глупости? – выдохнула я.

– Не глупости, Томма, – оторвавшись от меня, сестра направилась вглубь огорода, утягивая меня за собой.

Зайдя за сарай, я невольно бросила взгляд на три ухоженные могилки. Родители и младший брат.

– Вот смотри, за этими растениями я ухаживала, – Эм ткнула пальцем в чахлые кустики травы, – а вот к этим специально не подходила, – протаскивая меня чуть дальше, она указала на два куста щавеля. Видишь, какие они? Это я все гублю вокруг. У меня магия гнилая. Правильно Лестра про меня говорила: я плохая, чёрная.

Открыв было рот, чтобы возразить, я всё же промолчала. Признаться, крыть нечем. Кусты выглядели здоровыми и пышными.

– Я не знаю, что к чему, Эм, но давай-ка проведем экспе-

римент. Не ходи в огород, я сама поделю вечером эти кусты и рассажу. Если приживутся, значит, мы не всё знаем о тебе. И видимо, дар твой не закрыт, а просто нами не понят. Но это не говорит о том, что он плохой, сестрёнка.

– Но ты же видишь, – возразила Эм.

– Вижу, – согласно кивнула я, – я вижу, что ты не маг земли и не целитель. Но в нашем роду разные маги были.

– Папа маг земли, мама – целитель, – прошептала сестрёнка, – а я не пойми кто.

Я расслабилась и рассмеялась.

– Ну, так и я маг иллюзий, – напомнила я сестре, – мой дар тоже полезным не назовёшь. Разве что умыкнуть у кого с огорода немного овощей да травы, прикинувшись бездомной собакой. Но это себе дороже: всех собак у нас ещё в том году съели, знаешь, какая охота за мной начнётся?

Эмбер тихо засмеялась, зная, что я вовсе не шучу. В последний раз, когда я в образе пса забралась в чужой огород, я еле ноги унесла. Меня саму чуть ужином не сделали. А по деревне потом ещё неделю ползали слухи о том, что видали, как пёс по огородам на задних лапах бегал и через заборы карабкался.

– Смешно тебе, а я тогда уж и с жизнью простилась. И главное ведь иллюзию не скинешь, сразу увидят, кто в огороде воровством промышлял, а потом репутацию не отмыть, как у кого пара морковок пропадёт – мигом к нам бежать с обвинениями будут.

Эмбер рассмеялась ещё звонче. А мне стало легче. Раз есть в нашей жизни ещё место веселью, то не всё потеряно.

Взглянув на небо, я заметила вдалеке надвигающиеся тучи.

— Пойду я, сестрёнка, а то опять вымокну вся. А ты пока потихоньку вылей из вёдер и тазов воду, что за ночь с потолка собралась.

— У нас плесень по стенам, — напомнила мне Эм то, о чём я и думать боялась. Дом разваливался на глазах.

— Я видела. Топить лучше нужно, чтобы просохло.

Сестра встрепенулась.

— Может я всё-таки веток у леса пособираю? Томма, это ведь не так опасно, если замечу что-нибудь, то убегу.

Я сурово глянула на неё и придала голосу как можно больше строгости.

— Эм, там, в тумане, и сама не поймёшь, как забудешься. Там голоса и образы, там тени, за которыми приходят мёртвые.

— Но как же ты... — она пыталась настоять на своём.

— Я не знаю, милая, — перебила я её и пожала плечами, — просто везёт и всё.

Развернувшись, я уверенным шагом пошла к своей корзине. Это пустые разговоры, и чем дольше мы будем развивать их, тем более богато будет работать фантазия сестры. Ещё и правда, возьмёт да и пойдёт мне помогать. Где её потом искать? Да и как она тащить-то ветки собралась? Она полу-

пустое ведро еле поднимает. Подхватив корзинку, я обернулась и прищурилась, наблюдая, с каким задумчивым видом за мною следует сестра.

– Эмбер, – она подняла на меня взгляд, – хочешь действительно помочь – свари поесть. Я приду голодная.

Она обещающе кивнула.

– Воду вынеси, – она покачала головой ещё интенсивнее.

– Попробуй, не переутомляясь, убрать плесень, где сможешь. Сходи к соседке, попроси Эгора починить калитку.

Сестра просияла, столько заданий она ни разу ещё не получала.

– Переверни шкурки, что я выделывала. И ещё, у отца где-то удочки были, я их в доме вроде видела. Весна уже в самом разгаре, говорят, рыба клевать начала. В общем, найди всё, что есть для рыбалки, будем осваивать с тобой новые навыки.

Похлопав в ладоши, Эмбер пританцовывала на месте.

– И главное, – я замолчала, выдерживая паузу, – береги себя и не вздумай работать на износ. Во всём соблюдай меру.

Сестричка опять важно покачала головой. Помощница моя.

Уходила из дома я с лёгким сердцем. Поднявшись на пригорок, глянула в низину. Туман был неспокоен. Но идти нужно. Не проверю петли на зайца я, их проверит за меня кто-нибудь другой, и останемся мы без мяса.

Войдя в лес, поймала себя на том, что невольно озираюсь,

вроде всё спокойно, но...

Душу грыз неясный страх. Безошибочно отыскав свою тропинку, я побежала вперёд, игнорируя ветки для растопки печи – соберу их потом у кромки леса. Если что, схожу за топором да порублю молодые деревца. Брошу во дворе просыхать. Давно нужно было так сделать, чем бегать тут со связкой на плечах.

Первая и вторая петля оказались пусты, третья порвана.

В неё точно кто-то угодил, но явно не заяц. Вытащив из кармана верёвку, я принялась быстро чинить ловушку. Позади послышался неясный шум. Не треск и не шорох, а что-то уловимое одним подсознанием. Медленно обернувшись, всмотрелась в разреженный туман, который походил на лёгкую дымку. Ничего. Только идол змеелюда.

Вернувшись к петле, я ускорила работу.

Завязав последний узел, подскочила и побежала дальше.

Выйдя на небольшую поляну, остановилась. Весна была холодной, но первые травы уже взошли, и игнорировать то, что можно съесть – это глупо. У самых моих ног росла молодая крапива. У деревни её уже не найти. Всю ободрали, и вырасти не дали. Не теряя времени, я принялась рвать кусачее растение голыми руками. Мои ладони давно уже не были нежными и мягкими, постоянная работа сделала своё дело, и сейчас я практически не ощущала жжения.

Большая плетёная корзина наполнилась очень быстро. Чтобы не просыпать траву и донести её до дому целой, свер-

ху завязала платок, скрывая свою добычу.

Нужно было спешить. Вечерело. Одно радовало – тучи прошли стороною. Пройдя поляну, я вновь углубилась в лес и перешла на лёгкий бег. Под ногами хрустели ветки, я спешила. Сегодня туман меня не просто пугал, а наводил смертельный ужас.

Четвёртая ловушка также была пуста. Сделав привычный крюк, я полезла проверять силки на птиц. Забравшись на толстую ветку, глянула вниз. Краем глаза уловила лёгкое движение. Я была готова поклясться, что это тень, но странная, белая. И двигалась, будто живая. Замерев истуканом, даже не дышала.

Тени никогда не подходили близко, но они всегда были предвестниками появления мёртвых.

Неуспокоенные вечно голодные твари рыскали в поисках живого. Что странно, никогда не трогали зверьё. Словно неразумные их не интересовали. Я много раз находила в петлях зайцев, а рядом с ними всё было истоптано босыми ногами. Живые без ботинок в лес не пойдут и добычу, даже чужую не оставят.

Снова послышался лёгкий шелест, будто ветер гнал листву. Только вот погода стояла спокойная. Полное безветрие. Сглотнув, я встала на ноги и потянулась выше. В силках я нашла крупную птицу. Вот это удача! Птаха была уже мертва, но еще тёплая.

Не слезая с толстой ветви и поглядывая вниз, я привяза-

ла к её лапкам верёвку. Обмотала тушку тканью и задумчиво посмотрела на подножие дерева, туда, где оставила свою корзину. Нет, птицу в неё не воткнёшь, там уже крапива лежит. Трава ценная и полезная. Эмбер будет ей рада.

Какой-то неясный холодок прошёлся по спине. На мгновение кольнуло в сердце. Моргнув, я сбросила наваждение. Что-то было не так. Лес изменился.

Покачав головой, я попробовала закрепить свою добычу на тонком пояске платья, но он не выдерживал тяжести. Действовать нужно было быстрее. Внутренний голос, некий инстинкт, подгонял меня и буквально вопил пошевеливаться и убираться отсюда подальше. Делать было нечего, я завязала верёвку на запястье, зато точно не потеряю добычу, хотя и неудобно.

Слезала с дерева медленно, у меня осталась непроверенной ещё одна петля, но внутри всё замирало от предчувствия. Нужно было решать: заходить в лес дальше или поворачивать и идти домой. И я почти развернулась, но мысль, что там может быть заяц, что упущу столько мяса, остановила.

Дело получаса. Нужно проверить и не идти на поводу у страха.

Сделав пару шагов вперёд, замерла.

Поджилки затряслись. Сердце колото, ладони покрылись потом.

Да ну его, этого зайца! Да ну эти петли и мясо! Птица есть

– уже не пустые руки.

Впереди я отчётливо различила тени. Серые, колышущиеся словно на ветру. Молча развернувшись, я со всех ног рванула вперёд. Так близко я ещё никогда их не видела.

«Томмали, – долетел до меня шелест, – спасайся, милая!»

С выпученными глазами, я неслась словно загнанный заяц.

«Томма, доченька, не останавливайся, – шептал кто-то совсем рядом голосом мамы, – беги, что есть силы. Беги вперёд и не оборачивайся!»

Мама! Сама не заметив, я побежала медленнее. Мама! Там моя мама. Я уже не помнила её лица, образ стирался из памяти, но голос. Эта была она. Моя мама!

«Томма, убегай, девочка, – твердил голос, – иначе останешься со мной!»

Это резко отрезвило. Дав себе мысленную затрещину, я ускорила. Сбоку громко хрустели ветки. Словно толпа брела, не разбирая дороги. Но выяснять, кто там, я не желала. Сойдя со своей тропы, побежала строго на запад, благо солнце склонялось к горизонту и определить, куда примерно бежать, было не сложно.

Я неслась, не разбирая дороги. Тушка птицы больно била по ногам и оттягивала руку. Во второй ладони я крепко сжимала ручку корзины, не желая её выпускать. Что толку рисковать и заходить в туман, если придёшь домой ни с чем? Ветки хлестали по лицу и цеплялись за одежду, но я упрямо

бежала вперёд. Мне никогда ещё так не хотелось жить.

«Томмали, – шелестел туман, – спасайся, милая. Томмали...»

Я знала этот голос, и никогда не забуду его.

Этим голосом мне пели колыбельные песни, утешали, когда я падала и когда обижалась на сестёр. Я обожала маму и в день, когда она пропала, пошла в лес со всеми. Впервые. Её тело так и не нашли, только корзинку и плащ. Ни крови, ни следов. Ничего. Словно она просто растворилась, стоя на месте.

«Обратилась в тень» – подсказал мне внутренний голос.

Ещё больше испугавшись, я представляла, что же будет со мной, если туман настигнет, если его обитатели приберут меня к себе. Что будет с Эмбер? Ведь она не смирится, пойдёт в туман искать. Как она будет одна? Именно эти мысли гнали меня вперёд.

Там за деревьями на западе начинался забытый тракт: дорога, по которой ещё в стародавние времена ходили караваны с Севера на Юг. Тракт был сделан на совесть. Его строители магии не жалели, и спустя столько веков дорога всё ещё была в отличном состоянии. Но главное, вела она в соседнюю с нашей деревню, и там можно будет укрыться. Спасти.

И пусть там уже никто не живёт, но и мёртвых не наблюдалось. Пережду в какой-нибудь заброшенной халупе, а потом по дальним тропинкам домой добегу. Мне бы из лесу вырваться.

Главное, слушать туман. Но помнить, что мамы нет. Это её тень смерть от меня отводит. Это тень.

«Томмали!» – шёпот из тумана гнал меня вперёд.

Выскочив на дорогу, я не сразу поняла, что это огромное мчится впереди прямо на меня, и только громкое ржание и лошадиные копыта у самого лица привели в чувства. Истошно завизжав, я упала на землю и выпустила свою корзинку. Рядом проскакала ещё одна лошадь и раздавила её. Плача от пережитого ужаса и совсем не понимая, что делаю, я поползла вперед. Отцепив платочек, что накрывал уже сломанную корзину, разложила его на земле. Плача и напевая под нос мамину колыбельную, механически складывала на ткань разбросанную крапиву, а мысленно готовилась к смерти.

Никого живого в этой части леса быть не могло, а значит, это порождения тумана пришли за мной.

Но думать о том, что сейчас я проживаю последние секунды жизни, не могла. Я упорно собирала эту ненавистную крапиву и твердила, что вернусь домой. Я не могу иначе.

Я вернусь домой. Там на подоконнике горит для меня свеча.

Тёплые слезы скатывались по моим щекам.

– Помоги ей! – раздалось над моей головой.

Тяжёлый резковатый голос отдал приказ и умолк. Рядом со мной присел незнакомый мужчина со странной внешностью. Его глаза горели красным огоньком, а волосы серы, как зола. Замерев, я совсем неприлично уставилась на него. Во-

ин же спокойно собирал мои росточки.

– Что у неё там? – другой голос заставил меня вздрогнуть, он казался более мягким, но, в то же время, безразличным.

– Крапива обычная, вард Сай, – мгновенно отозвался тот, что помогал мне.

Вокруг нас полукругом остановились всадники. Вскинув голову, я уставилась заплаканными глазами на тех, что меня окружили. Десяток мужчин. Огромные, широкоплечие, в чёрных добротных кафтанах, подбитых мехом. Впереди стояли двое. Их красивые ухоженные лошади пританцовывали на месте. На теней или мертвяков они совсем не походили.

– Откуда ты? – спросил один из них, блондин с длинными, собранными в косу волосам и необычными ореховыми глазами. В них медленно разгорался красный легко различимый огонёк. – Я спросил, откуда ты?

В ответ я лишь моргнула, хотела хоть что-то вымолвить, но волна мгновенного облегчения заполнила душу дикой надеждой, что смогу пережить сегодняшний день. Не сдержав эмоций, снова залилась слезами.

– Интересно, что это с ней? Из леса как сумасшедшая вылетела, чуть под твоего коня не упала, – второй мужчина – пшеничный блондин – осмотрел меня с ног до головы. – Значит, местных тут намного больше, чем сказал Каил. Плохо наши искали, и видно, не там глядели, – протянул он и спешился.

подавив очередной поток рыданий, я вытерла лицо рука-

вом. Мужчины не сводили с меня глаз. Словно диковинку увидели. Они казались суровыми, собранными и высокомерными. И чем больше я наблюдала за этими людьми, тем чётче осознавала, что они неправильные. Движения, внешность, даже манера говорить. Всё иное, хоть язык и наш, а словно акцент какой. Тянули они буквы как-то вычурно.

Подойдя ко мне, пшеничный присел и, ухватив меня за подбородок, повернул к себе лицом. Вглядевшись, вызывающе ухмыльнулся и погладил мою скулу большим пальцем.

– Брат, да она сияющая, – и вовсе рассмеялся он, заметив, что я покраснела от смущения. – Может, заберем её, а? Уверен, кому-нибудь да приглянется.

Услышав такое, я дёрнулась, как от удара, и, освободившись от захвата незнакомца, медленно отползла в сторону.

– Девушка, я ещё раз спрашиваю, откуда ты? – тот важный пепельноволосый блондин, что остался сидеть верхом, кажется, терял терпение.

Мне нужно было отвечать, но я бестолково моргала и непроизвольно оглядывалась на лес. Тени были всё ещё там. Поджав губы, перевела взгляд на чужаков.

– Из деревни, – тихо призналась я, – пошла в лес ловушки проверять.

Пшеничный слабо кивнул.

– А что тебя там так напугало? – прямо спросил он.

– Тени, – выдохнула я и указала пальцем в лес.

Воин проследил за моим жестом и ухмыльнулся.

– Смотри-ка, Вульффрик, неприкаянные. И много их тут? – это он спросил у меня. В ответ я слабо кивнула.

Мужчины, как по команде, уставились на лес. Тени шелохнулись и растаяли одна за другой. Мне стало совсем жутко. Кто же это такие, что их даже порождения тумана боятся?

– Отпустите меня, пожалуйста, – тихо прошептала я.

– Не бойся, – воин, что до этого молча собирал мои ростки крапивы, завязал платок и передал его мне, – сами не тронем и этим не оставим.

Жестом он указал на лес. Мне стало чуть спокойнее.

Подняв голову, я заметила на себе заинтересованный взгляд гиганта с пепельной косой. Он явно что-то обдумывал. Подавшись вперёд, в очередной раз оглядел меня и чудно принюхался. Затем быстро тряхнув головой, вернул лицу выражение полнейшего равнодушия.

И мне это не понравилось.

Я вообще не понимала, что это за люди, и откуда они могли взяться на этой дороге. Но проявлять любопытство побоялась. Ясно же, что не простые воины. Слишком грозные и высокомерные. Может, те самые пришлые, о ком так упорно ходили сплетни.

– Ладно, потом разберёмся, – пшеничный вернулся к своему гнедому коню и одним красивым движением забрался в седло. – Кьерн, возьми девчонку и отвези, куда скажет. Жалко, всё-таки сияющая.

Я совсем не поняла, что он имел в виду, но не это сей-

час было важным. Кажется, смерть в этот раз обошла меня стороной. Пока я заторможено оглядывалась вокруг, сидя на земле и прижимая к груди узелок с крапивой и тушку птицы, воин встал и свистом призвал своего коня, того самого, что растоптал корзину.

Ни слова не говоря, мужчина подхватил меня за талию и усадил в седло. Испугавшись, я вскрикнула и неуклюже качнулась.

– Ты смотри, и у этой беда с лошадьми, – посмеялся пшеничный, второй воин одарил меня тяжёлым нечитаемым взглядом. Смутившись, я отвела глаза. Красивые они были мужчины, но жуткие очень.

Вскочив в седло, мой назначенный провожатый осторожно придержал меня.

– Рассказывай, куда везти, девочка? – раздалось над моим ухом.

– В деревню, – тихо ответила я.

– В какую? – усмехнулся пшеничный. – Их тут как минимум две.

Моргнув, я призадумалась. Почему две?

– Три, – неуверенно пробормотала я, – одна прямо по этой дороге, она заброшенная давно. Вторая чуть южнее, но там мало кто из живых остался. Несколько семей. И третье селенье – наше, оно северней. У нас ещё человек сто наберётся. Хотя большинство домов пустые. Все ушли с этих мест. Кого война забрала, кого голод, а кто на юг подался.

Глянув на воинов, я ещё раз поразилась тому, насколько они не похожи на наших мужчин. Все блондины разных оттенков, лица гладкие, в глазах красные угольки.

– А вы кто? – не удержалась я от вопроса и всё-таки слюбопытничала.

Неожиданно мужчины рассмеялись. Все разом, как по команде.

– Ребёнок, – выдохнул пепельноволосый, – Варды мы. Слышала о таких?

Я отрицательно качнула головой.

– Северяне, – пояснил пшеничный блондин.

– Пришлые? – испуганно прошептала я. – Из бреши в тумане?

– Они самые, – вард с длинной косой всё прожигал меня волнующим и одновременно настораживающим взглядом. А ещё он постоянно принюхивался.

– Теперь эти земли наши, – добавил второй грозный воин.

В ответ я лишь недоумённо пожала плечами, ничего не понимая. Ясно было одно – передо мной захватчики. Вспомнились отцовские обмолвки да пьяные сумбурные рассказы. Вздвогнув, я покосилась на мужчин.

– Не бойся, – тихо произнёс воин, в чьём седле я находилась. – Женщин мы не трогаем. Девушек не портим. Показывай дорогу.

Глава 3

Уже стемнело, когда мы подъехали к заброшенной деревне – Сердвинки. Это поселение некогда процветало. В нём проживало несколько тысяч человек. Именно сюда приезжали княжеские обозы с продовольствием, кибитки торговцев и даже лавки лекарей. По субботам на центральной деревенской площади устраивали представления, танцы, гуляния по поводу и даже без...

А потом пришло известие о войне.

Здесь, около деревенских врат, которые давно уже прогнили и упали, забирали наших отцов и братьев в княжеские войска. Отсюда люди группами уходили на юг. Деревня быстро опустела. А потом и вовсе умерла. Оставшиеся люди переселились к нам, потому как и лес ближе, и умертвия из тумана приходят реже.

Но вот сейчас пустующей деревню Сердвинки никак не назовёшь.

Здесь кипела работа. Огромные широкоплечие мужчины возводили заборы, отстраивали заново дома. Таскали брёвна и доски. Где-то в глубине селенья пела свою песенку пила. Раздавался методичный стук молотков.

А я же от удивления, кажется, разинула рот.

Ведь всего три недели назад сюда ходили мальчишки с нашей деревни и никого не обнаружили. А сейчас... Я сглоти-

нула и до меня, наконец-то, дошло, что имели в виду эти воины, произнеся фразу «теперь это наши земли». И с этим пониманием вернулся страх.

Грядёт война! Как только до князя дойдут слухи, что на его земле чужаки отстраивают деревни, сюда пригонят войска. Наш правитель просто не может такое проигнорировать. Ведь это ничем не прикрытый захват земли.

И ещё страшнее мне стало, как только я сообразила, что мы, местные, периодически встречаем маленькие княжеские отряды разведчиков. Ещё бы о них не знать: эти твари в человеческом обличье грабили наши огороды и, не скрываясь, поглядывали на женщин. Может, и насиловали кого, но кто же в таком сознается. И не сегодня так завтра кто-то из этих лазутчиков донесёт об отряде пришлых людей.

Да, может, силы князя невелики. Возможно, он настолько слаб, что боится переворота. Собственно поэтому и рыскают его люди, выведывают, где беспокойно. Но я была отчего-то уверена – людей у князя всё же поболее, чем этих северян.

Зажмурившись, я вздрогнула от страха.

– Чего ты? – тихо спросил мужчина за моей спиной.

– Сюда придёт войско. Вы всех нас погубите, – выдохнула я.

Мужчина тихо засмеялся, словно я шутку какую выдала.

– Нет, не погубим, девочка. Вардан Бессон силён и славен своими вардами и воинами. Мы не просто древние – мы Иные. У братьев Бессон договор с сильнейшими варданами

Севера. То, что ты видишь – лишь верхушка дрейфующей льдины. Мы ждём вашего князя.

Я сглотнула. Ждут они, а отрываться эти звери на нас будут.

– Но мы... – пропищала я.

– Защитим, – перебил меня мужчина. – Мы не знали, что местных много. Нам сообщили о нескольких семьях и не более.

Ага, защитят они. Нужны мы кому. Уж не обманывали бы лучше. Совсем меня за дурочку что ли держат?! Слабо верилось в это «защитим», никто никогда о местном населении не думает.

Власть, деньги земля – вот что важно, а люди – это восполняемый ресурс, который можно пустить в расход.

В душе царила такая неразбериха. Нужны мы этим пришлым. У них там, на севере, наверное, и своих людей хватает. Никто не станет рисковать воинами ради горстки женщин да детей.

Проехав мимо некогда пустующей деревни, мы двинулись дальше. Варды же с остальными мужчинами неспешно въехали в новенькие ворота и скрылись из виду. Только вот тот, что с косой до пояса, всё же обернулся и проводил нас тяжёлым немигающим взглядом, от которого я поёжилась.

Темнело быстро, а на сердце разгоралось волнение. Ведь там дома Эмбер: я представляю, что она сейчас чувствует, какой страх переживает.

Благо воин, которому поручили доставить меня домой, явно спешил выполнить свою задачу. Его конь бежал рысцой и не снижал темпа даже в темноте.

Когда показался одинокий дом у небольшой речки, где мы обычно собирали полезные травы, я выдохнула.

Тут много лет назад поселилась большая семья. Они держались немного обособлено ото всех и вели замкнутый образ жизни. Мать, отец, четверо детей подростков. Вроде ещё пара человек, мы видели их так редко, что и не знали, кто кому и кем приходится. Семью у нас прозвали отшельниками, и уже не обращали внимания на их странности. Живут люди и ладно.

До нашей деревни отсюда осталось минут десять пешим ходом, а на лошади и того быстрее.

Миновав одиноко стоящий дом, я почувствовала облегчение.

Скоро я вновь окажусь в родных стенах.

– Что, устала? – тихо поинтересовался мужчина. – Страху, поди, натерпелась в лесу?

Я закивала головой. Уж чего-чего, а ужасу мне сегодня за глаза хватило.

– Я в тумане голоса слышала, – не знаю, зачем призналась ему.

Мужчина напрягся и чуть сильнее сжал поводья.

– У тебя батка или брат есть? – спросил он, немного помолчав.

– Да – уверенно, не моргнув и глазом, соврала я.

И моей лжи было объяснение. Отец всегда говорил, что если за спиной девушки нет мужчины, то ею каждый попользоваться может. Ведь спрашивать за её честь и невинность никто не станет. Поэтому сейчас, не задумываясь, я обманула, и стыдно за это мне не было. Этот мужчина, как ни крути, – незнакомец. И что там у него на уме вертится, только ему одному и известно.

– У нас есть работа, но только для мужчин, – услышала я от воина, – оплата, правда, пока продуктами: хлеб, сыр, вяленое мясо. Скажи своим мужикам, пусть приходят. А сама в лес не иди! Голоса это плохо, неприкаянные тебя заприметили, так просто уже не оставят. Они до магии голодные: простых людей могут и стороной обойти, а наделённых даром выпивают враз. А ты сияющая!

Я испугалась. Ведь те, кто даром магическим обладал, чаще в лесу и пропадали.

– А что это значит – сияющая? Ваши командиры тоже меня так называли, – поинтересовалась я, вглядываясь в тёмную дорогу впереди.

– Не командиры, девочка, а варды, – поправил меня воин.

– Варды, – послушно повторила я уже слышанное слово.

– У вас князья, у нас – варды, – услышала я от мужчины, – а сияющая – это девушка, наделённая даром. У нас на Севере маги в основном мужчины древней и иной крови, а женщины почти всегда пустые. Пару лет назад к нам пришла де-

вочка красивая с ваших мест. На кухне работала. Сияющая, как и ты. Избранная нашего вардигана оказалась. Вот она и рассказала о вашем мире и о бедах, что его разъедают.

Я удивлено глянула на мужчину.

– Ваш князь женился на южанке, на кухарке? – выдохнула я.

– Не князь, а вардиган – это главный среди вардов и геров, – моя бровь поползла вверх от непонимания. – Наши мужчины, в отличие от ваших, как мы заметили, женятся по зову сердца на той, что душу задела. А ваши глядят на род, да на количество монет в приданом.

– Так всегда было, – пожала я плечами. – Простые девушки ищут женихов из деревенских парней, а княжеские дочки из богатеев, равных по положению.

Мужчина хмыкнул и чуть откинулся назад.

– Вот уж чего понять не могу: зачем копить денег, зарабатывать положение, чтобы потом жениться на девице, при виде которой молоко киснет? Коль уж имеешь богатство да власть, так и выбирай по сердцу. Зачем брачный союз, если не любишь? – слышать такое от мужчины было немного странно.

– Брак устраивают, чтобы положение укрепить, богатства размножить... – начала было я.

– Вот этого и не понимаю, – возмутился мужчина, перебивая, – главное в жизни что?

Я пожала плечами и тихо выдохнула:

– Семья?!

– Вот именно – семья, – его лицо сделалось ещё серьёзнее. – В семье главное любить друг друга. Ради своей избранной мужчина-северянин, и неважно Иной он или Древний, горы свернёт, в могилу живым ляжет, зубами врага грызть будет. Так что нет у нас договорных браков.

– Значит, женщин вы цените? – смущённо шепнула я.

– Своих, да, – прямо ответил он, – до чужих дела нет. В некоторых варданах у нас тоже беспокойно: древние роды вырождаются и совсем не слышат зова крови. Превращаются в вас, – он произнес это «вас», как плюнул, – там власть к рукам прибирают наши племена Снежных. В тех местах творятся бесчинства: женщины приходят в наши земли сломанные и изувеченные. Так быть не должно.

– Но вы же только что сказали: до чужих женщин дела нет, – припомнила я его же слова.

– Всё правильно, важна одна.

Я совсем запуталась и непонимающе уставилась на этого необычного мужчину с горящими глазами. Он улыбнулся.

– Мы однолюбы, – засмеявшись, уточнил он, – потому и важна одна.

– А остальные?

– Ценим. Заботимся. Бережём, – немного пафосно произнес он. – Надругательств не допускаем, так что зря ты испугалась нас сегодня, но твой страх понятен. Нам известно, что творится в ваших землях. У вас свободных женщин много

в деревне?

Мужчина внимательно вглядывался в оконные и дверные проёмы пустых заброшенных домов, тускло освещённых неполной луной. И это не могло от меня укрыться. Видимо, он понимал, что нас могут встретить совсем нежеланные гости.

– Женщин немало, – честно призналась я, – мужчин война да туман прибрали.

Мужчина хмыкнул, но более ничего не спросил. Завернув за полуразрушенный дом, мы выехали на нашу улицу. Вдали прямо посреди дороги светился одинокий огонёк, и чем ближе мы к нему подъезжали, тем больше на сердце становилось. У наших свалившихся ворот маячила одинокая тощая фигурка с маленькой свечкой в руках.

– Эмбер, – тихо позвала я.

Ответом мне было громкое отчаянное рыдание.

Не успел мужчина снять меня с седла, как ко мне подскочила зарёванная, трясущаяся сестрёнка и буквально повисла на мне.

– Я по соседям бегала, – всхлипнула она, – но никто искать не пошёл. Сказали, сегодня туман особенно голоден. Те ни бродят, – Эмбер давилась словами. – Я их просила, но никто не согласился. Не ходи туда больше, Томма, не ходи.

Я погладила сестрёнку по голове. А у самой ком в горле застрял.

– Я должна туда ходить, кролик. Видишь – живая я, меня

выручили и даже домой привезли. Не плачь, лучше поблагодари моего спасителя, а то что он о нас подумает.

Эм оторвалась от меня и глянула на моего провожатого, а потом, удивив даже меня, бросилась тому на грудь и разревелась ещё больше. Мужчина впал в ступор, а потом как-то по-отцовски улыбнулся и чуть приобнял её, успокаивающе проведя ладонью по спине. Было видно, что такое ему в новинку. В глазах разгорелся красный огонёк и, может мне показалось, но воин был смущен.

– Спасибо, – шептала Эмбер, – я вам так благодарна. Вы наш герой. Спасибо вам.

Не удержавшись, я потянулась и поцеловала воина в щёку, окончательно его добив.

– Девочки... – как-то растеряно промямлил он, – ночь на дворе. Холодно, а на вас одёжка тонкая. Заболеете.

– Да, конечно, – Эмбер, наконец, отклеилась от смущённого мужчины. И снова обняла меня, совсем как ребенок.

– В туман не ходите, – ещё раз напомнил мужчина, – скажи отцу и брату пусть завтра с утра приходят на работу. С пустыми руками не уйдут. А где они, собственно?

Эм странно замерла, а потом тихо шепнула:

– За сараем, они не могут сейчас прийти.

Мужчина недоумённо пожал плечами, видимо, не поняв, чем там заняты мужчины, но тактично смолчал.

– Держите пока вот, – отвязав от седла холщовую сумку, он передал её мне. – Идите в дом, девушки, холодно. Мне

приятно было с вами познакомиться, красавицы.

Я мило улыбнулась. Да, мы с Эм были очень похожи: обе синеглазые блондинки, только на личике сестры свои следы оставила болезнь.

Вскочив в седло, мужчина кивнул нам на прощание и исчез во тьме ночи.

– Томма, а он кто? – выдохнула Эм. – Станный такой.

– Северянин, сестрёнка, я на них выскочила, когда убегала от тумана. Они, действительно, странные, и ещё совсем не похожи на княжеских воинов. И правда, пошли в тепло, пока ты не простыла.

Переступив через валявшуюся калитку, мы отправились в дом. Вход слабо освещал факел, висевший над дверью. Взявшись за ручку, услышала скрип петель. Раньше я как-то игнорировала то, что дверь нуждается в починке, а сейчас меня это встревожило. Здесь у нас, у самого тумана, все быстро приходило в негодность. Дома, если их постоянно не латать, сгнивали за пару лет. Заборы и того быстрее. Все говорили, что это проклятье этого места, что даже трава здесь чахнет скорее. Вот так и наш дом всего за каких-то два года, пришёл в запустение.

– Надо её смазать, – негромко пробурчала я, осматривая петли и косяки. – И порог снизу обновить, а то щели уже большие, всё тепло выдувает.

– Я говорила с Эгором, – защebetала Эм, – он пообещал подчинить калитку, как время будет, и дверь заодно глянет.

Проскользнув вперёд меня, сестрёнка быстро поставила кастрюлю на растопленную печь. Я осмотрелась: в доме было убрано, в углу ведро с водой и тряпкой. В печи трещали угольки.

– Эмбер, ты молодец, – вполне заслужено похвалила я сестру. – Даже Лестра такую чистоту не поддерживала.

– А она её никогда и не наводила. Я всегда убирала за себя, и её работу выполняла. А не говорила тебе, потому как боялась, что ругать станешь меня и её.

Услышав такое, я на мгновение дар речи потеряла. Если Эм убиралась, то чем тогда моя средняя сестричка всё это время занималась?! Мысль о Лестре кольнула сердце. Переживала я за неё, хоть и непутевая, но своя же. Не чужая.

– Ты молодец, Эм, – ещё раз похвалила я сестру.

– Томма, мне помочь никто не согласился, – Эмбер опустила взгляд на пол, её пальцы предательски дрожали. – Эгор вот только сам домой вернулся. Мы с тётей Талией всех соседей обежали. Просили, чтобы сходили на ваши поиски. Все двери захлопнули. Все! Эгор пришел весь исцарапанный, еле ноги передвигал. Он через болота пробирался.

На глазах сестры снова выступили слёзы.

– Успокойся, Эм, я жива, – прошептала я.

– Им всем плевать на нас, – выпалила она, – папа всегда ходил на поиски. Ты никогда не отказывала, а они двери перед нами закрывали.

– Надо бы Талии сказать, что жива я.

Словно читая мои мысли, в дверь глухо постучали. Непроизвольно я вздрогнула, хотя раньше за мною такого не водилось.

– Эмбер, милая, открой, – услышала я голос соседки.

Моя сестрёнка озабочено глянула на меня и помчалась к двери с несвойственной ей прытью. Дверь скрипнула и в дом вошла молодая женщина со своими детишками. Позади медленно, чуть хромая, буквально затащился её старший сын.

– Я тут решила, что мы с Эгором ходим к лесу. Может, где и найдём Томму... – начала было Талия, но осеклась, глядя на меня в упор.

– Живая! – выдохнула она и села на ближайший стул. – Хвала богине Эртвине. А я уж думала всё, пропала ты, сгнила.

Отвязав с запястья верёвку, на которой всё ещё болталась птица, положила всю свою добычу на стол. Мой взгляд упал на тот мешок, что дал мне воин.

– Как спаслась-то? – устало прохрипел Эгор.

– Я к забытому тракту побежала, – принялась я рассказывать свою историю, – решила, что по дороге быстрее передвигаться. Прикинула, если до Сердвинки доберусь, схоронюсь там на чердаке где.

– И что? – поторопил меня с ответом сосед. Доковыляв до стола, он буквально упал на крепкий табурет.

– Выбежала на дорогу и чуть под копыта воинов-северян не попала.

– Ох ты, Богиня Великодушная, не тронули хоть? – Талия буквально впилась взглядом в моё лицо, её младшие дочери притихли и глазели на меня большими глазками, будто я им сказку страшную рассказываю.

– Нет, – я улыбнулась, – я с их вардами разговаривала, это как князья наши. Страшные они.

– И странные, – вмешалась в наш разговор Эмбер, наливая мне суп. – У того, что Томму домой привёз, глаза, как у кота, в темноте горели.

Все непроизвольно подались вперед.

– Значит, не врут мужики с Вотчиков, северяне появились и спокойно здесь разъезжают.

Я хмыкнула и, прищурившись, глянула на соседа.

– Они Сердвинки отстраивают. Я своими глазами видела, как забор вокруг деревни городили, ворота уже есть. А мне сказали, что работа для мужиков есть – платят снedyю.

Взяв птицу, я скинула её в ведро. Ошпирую чуть позже. Крапиву в узелке тоже убрала. Развернув холщовый мешочек, я вынула его содержимое: целую головку сыра, хлеб кусками и перевязанные плетёной верёвкой полоски копчёного мяса.

– Хорошая добыча, – хмыкнул Эгор.

– Это нас тот воин, что Томму привёз, угостил, – похвасталась Эмбер, и тут же зашла кашлем.

Бросив и сыр, и мясо, я подошла к сестре и, обняв за плечи, отвела к постели.

– Хватит хозяйничать, садись и отдыхай, – строго приказала я.

Вернувшись, решительно разделила снедь на две равные половины. Одну часть сложила обратно в мешок – это для Талии и детей. Протянув ей еду, натолкнулась на благодарный взгляд.

– Не жалко? – шепнула женщина.

Мне стало даже смешно слышать её вопрос.

– Ты сюда пришла, чтобы оставить детей и идти искать меня. Ночью, рискуя собой. Не пожалев младших своих. Так что, нет, не жалко нисколько. А завтра я накину иллюзию и пойду с Эгором на работу к ним.

Парень задумчиво глянул на сыр и хлеб. В нашей деревне это была роскошь: муки тут уже пару месяцев никто не видал. Я знала, что он пойдёт со мной. Эгор даже в столь юном возрасте был хитрым и смыслённым малым. А ему всего-то пятнадцать годков.

Из него вырастет достойный мужчина, жаль, что моей Эмбер он не подходит. Не видела я в глазах парня интереса к ней. Да и она на него, как на брата меньшого, смотрела.

Я перевела взгляд на двойняшек, что жались к Талии, и голодными глазами поглядывали на холщовую сумку в маминых руках. Бедные дети не знали ни что такое сладость, ни как леденец на палочке выглядит. Война забрала у них всё: детство, радость, отца. Порою я задумывалась, зачем вообще рожать дитё, если не можешь даже накормить его досыта.

Потому и не понимала я Лестру и её жгучее желание выско-
чить замуж. А для чего? Чтобы смотрели голодными глаза-
ми? Чтобы сын вместо того, чтобы с девчонками на лавочке
дружить, в туман уходил за куском мяса? А потом ждать его
у калитки и молиться всем известным богам, чтобы живого
вернули?

Нет, не хотела я ни мужа, ни детей.

Я не желаю дочерям и сыновьям своей судьбы.

Талия, погладив девочек по голове, глянула на сына.

– Пойдёшь? – негромко спросила она.

– А чего бы не пойти, – отозвался он. – Даже если не за-
платят, так хоть ноги унесу. Всё безопаснее. А с тебя иллю-
зия не спадёт?

Я криво улыбнулась. Глупый вопрос.

– Ну, мало ли что, – парень улыбнулся в ответ, – а то по-
ползут потом рассказы, как мужик бабой обратился. Пса
дворового в твоём исполнении до сих пор помнят. Целая де-
ревенская легенда получилась.

Ну да. Я стыдливо отвела глаза. Мой отец никогда не тре-
пался по поводу дара своих дочерей. У нас-то в основном
маги земли рождались, да так – стихийники слабые. А
я вот уникальна в своём роде. Конечно, иллюзионисты в на-
шем роду встречались, но род их деятельности не располагал
к лишней болтовне. Дед мой на дороге грабил обозы богате-
ев княжеских. Батяка его домушничал.

О таком как-то на лавочках не треплются. Одни соседи

и знали, и то, потому что предки наши ближайшие в одной банде разбойничьей состояли.

Да и мне хвалиться нечем. Чего скрывать, обносила я периодически чужие огороды. В нашем-то шаром покати. Ну, не смотреть же мне, как сестры с голоду животами маются. А если в лесу пусто или петли мои обшарят чужие? Да, и такое бывало. Редко я на чужие грядки покушалась, но бывало, и мне за это совестно.

Много не брала, по чуть-чуть, но воровство, его как не обеляй, а всё равно грязное дело.

Эмбер снова закашлялась, и это как-то привело всех в чувство и вывело из думок. Всё же ночь на дворе. Все уставшие.

– Пойдём мы, – Талия устало поднялась. – Девочкам спать уж давно пора, да и Эгора потрепало сильно. Рада я, что ты, подруженька, жива-здорова. Я уж думала всё, нет тебя больше. Не усидела дома. Как Мово своего схоронила, так нет мочи на туман смотреть.

Я слабо улыбнулась и кивнула. Талия была всего на восемь лет меня старше. Они с будущим мужем с самого детства под ручку ходили. Я ещё девчонкой подглядывала за ними, да дразнила «женихом и невестой». Эгора она рано родила: свадьбу только сыграли, а через месяц и сынок уже появился. Мама бегала, роды принимала, а я помогала, как могла. И вёдра с водой, и простыни чистые подавала.

Никто тогда и знать не знал, что так судьбы наши сложат-

ся. Что сын её ради меня в туман соберется. Что общее горе у нас будет на две семьи.

– До завтра тогда. Ты выпишься хорошо, – Эгор устало поднялся и, хромая, неспешно пошел на выход. – Другим-то будем говорить?

– А почему нет то? – пожала я плечами, – кусок хлеба всем нужен.

– Значит, с утра обегу всех, – Эгор вздохнул. – Кстати, я дочь Торгаса нашел.

– Нанью, – удивилась я, – и как умерла? Хоть не мучилась?

– Живая, – он улыбнулся, просияв лицом, – мы с ней вместе по болотам уходили. Она, считай, сутки там хоронилась. Говорит, голоса они с сестрой слышали, но не послушали. В общем, сами виноваты. Но старик их хоть отошёл немного от горя.

– Я тоже голоса сегодня слышала, – призналась я, – это тени. Они совсем рядом были. Голосом мамы звали.

– С каждым днём всё страшнее и страшнее, вовремя се-
веряне пришли, – Талия покачала головой и поднялась со стула.

– Не скажи, – неуверенно ответила я, – княжеские лазутчики про них прознают и нагрянут сюда, разбираться, кто такие.

Талия на мгновение призадумалась, а потом вскинула на меня испуганный взгляд.

– Чердак нужно в порядок привести, лестницы отладить,

да подлатать, – услышала я от Эгора. – Если что, прятаться туда, да сидеть, как мышам. С этими подонками шутки не шутят.

Я согласно кивнула, и тут же вспомнила, в каком состоянии наша крыша. Там дыра на дыре. Все прогнило.

Соседи неспешно покинули наш дом. Эмбер сидела, укутавшись, на кровати и не сводила с меня глаз.

– Сильно испугалась? – вопрос как-то сам вырвался.

Она кивнула, по щеке скатилась слезинка.

– Думала, если к утру не придёшь, сама уйду в туман, чтобы с тобою там быть. Вместе-то оно все лучше, правда?

От её слов мне сделалось страшно. Что стало бы с ней, пропади я? Талия бы в семью приняла, только у неё самой голодных ртов.

Подойдя к кровати, я обняла сестрёнку. Хотелось сказать что-то ободряющее, да слов не находилось.

– Ты же больше не пойдёшь в лес, правда? – выдохнула она.

– Я больше не стану так рисковать, – искренне пообещала я, – я буду прислушиваться к своему внутреннему голосу. Хворост собирать только у кромки леса, петли на зайца перенесу ближе.

– А как же северяне? У них же работа, – выдохнула Эм.

– Но я не мужик, сестра, – устало возразила я. – Может статься так, что не по мне работа будет.

– Но ты же попробуешь? – в её синих, как васильки, глазах

было столько мольбы.

– Я всё сделаю, чтобы пристроиться у них.

Съев наспех по тарелке простенького супа, мы отправились спать. Правда, сон всё не приходил. Вся тяжесть прожитого дня обрушилась на меня осознанием едва не случившейся трагедии. В голову лезли плохие мысли. Ближе к рассвету я почувствовала, что мне под бок забралась Эмбер. Замёрзла, наверное. Печь остывала, и со всех щелей из дома выдувалось тепло. К утру совсем холодно станет. Как древняя старуха, не выспавшись и не отдохнув, поднялась и пошла в дровницу. Нужно затопить печь.

Эмбер необходимо тепло.

Глава 4

Установив на колоду очередной толстый чурбак, я замахнулась и опустила на него топор. Перевернув, с силой приложила обухом об пень. В сторону отлетело два полена. Прodelав те же действия с поленьями, снова установила на колоду чурбак. Но замахнуться не успела.

– Дрова заканчиваются, – раздалось за моей спиной. Оглянувшись, я заметила стоящую в дверном проеме Эмбер. – А тепло всё не приходит.

– Ты зачем так рано поднялась, Эм? Чего не спится? – откликнулась я.

Да, насчёт дров она была права. Дровница была практически пуста. А погода всё не устанавливалась. Но сейчас мне как-то не до этого. Лес под боком, сходим с Эгором потом, порубим деревца, да притащим, чтобы просыхали.

– Там ещё суп есть, может, поешь, прежде чем уходить? – поведение Эмбер казалось странным. Нет, она и раньше проявляла заботу, но чтобы встала в такую рань.

– В чём дело, Эм? Что не так? – прямо спросила я.

– Боюсь, что ты не придешь, – честно созналась сестра.

Я невольно улыбнулась. И вот кто из нас старший?!

– Эмбер, – мне нужно было ей что-нибудь сказать ободряющего, только слов не находилось. – У нас у каждого своя судьба. Что на роду написано, то и будет.

– Какая судьба, Томма, – сестра эмоционально вскинула руки и сложила их в свойственной ей манере на груди, – нет никакой судьбы. Есть туман, есть твоё решение.

– А ещё есть – голод и холод, сестра. Есть ответственность перед близкими, – не удержавшись, возразила я.

Её лицо исказил гнев. Первый раз я увидела на лице нашей милой Эм эту эмоцию. И она её не красила. Скорее, демонстрировала её истинный возраст.

– И ещё есть три могилы, – Эмбер ткнула за сарай, – а в одной из них даже тела нет. От нашей мамы и следов не осталось. Ты помнишь, как они ушли, Томма? – сестра была возбуждена и невероятно зла. Такого я за ней ни разу не наблюдала. – Помнишь, как искали маму? А ведь она могла не идти за травами в тот день. Я вчера стучала в дверь Эдии. Той самой Эдии, ради которой наша мама пошла в лес. Чтобы её спасти. Она погибла из-за долга целителя. А что сделала в благодарность Эдия? Знаешь? Нет. А я тебе скажу! Она хлопнула дверью перед моим носом и сказала, что у неё дети. Дети! А что, у мамы не было детей? А папа? Ты помнишь, сколько раз он ходил в лес, в туман: днем, ночью, чтобы найти, спасти кого-то из соседей. Он рисковал собой, зная, что у него дома три дочери. Но он ставил чужие жизни выше нас. Сколько ночей мы провели у окна и всё-таки потеряли его. Мы всех потеряли, Томма. Всех! Туман отнял всё.

Я поджала губы, не желая этого слушать, но Эмбер продолжала.

– Помнишь, как однажды папа пропал почти на неделю? Ты помнишь, ради кого он пошёл тогда в лес, на болота? Ради сына Ториса он это сделал. И что? Их дом был первым, куда мы с Талией побежали. Они даже слушать не стали: ни он, ни его сын, из-за которого, между прочим, погиб дядя Мово – муж Талии, отец Эгора. Вот он этот ваш хваленый долг!

– Ты не права, Эмбер, – тихо пробормотала я, но сама понимала – есть зерно истины в её словах.

– Нет, я права, – она упрямо выдвинула подбородок вперёд, – папа и мама погибли потому, что ставили чужое благополучие выше своих собственных детей.

– И что ты предлагаешь? – прямо спросила я. – Ради чего весь этот разговор?

Эмбер кивнула и улыбнулась, словно она ждала этого вопроса.

– У тебя есть дар, – она посмотрела мне прямо в глаза, – другие не брезгают вытаскивать добычу из твоих ловушек. Другим можно рвать твои силки и петли, так почему же тебе – нет?

– Нет, – перебила я ее, – это не честно и подло.

Эм всплеснула руками и буквально возвела очи к небу.

– Подло?! А по отношению ко мне они все вчера не подло поступили? Ты бы наверняка собралась и побежала искать пропавших. Эгор вчера на себе тащил Нанью, а её отец нас с Талией на порог не пустил. Это ли не подлость, Томма? Что?

Умирая, мне про долг и честь рассказывать будешь? Ладно, если как мама уйдёшь, а если вернёшься такой, как отец? Что ты мне будешь говорить? Ты помнишь, как он умер, Томма? Я не ты, я такое сделать не смогу. Хоть раз вспомни о долге передо мной, перед собой! Хоть ты, наконец, поставь остатки нашей семьи выше всей этой давно никому не нужной чести.

Я начинала злиться и закипать, но при этом понимала, что сестра правильно говорит, но ведь себе на горло не наступишь. Не тому меня родители учили.

– Ты просишь меня переступить через себя, – я с трудом верила, что моя всегда такая тихая сестра вдруг проявляет такой характер. Это что же вчера такого случилось, что она так изменилась?!

– Я прошу тебя просто остаться живой. Ну, по огородам же ты шастаешь. Что стоит сунуться в чужие ловушки? Я не желаю рыть для тебя могилу, Томма, – прошептала она. – Я не хочу хоронить тебя. Ни тебя, ни Лестру. Я надеюсь, что она вернётся. Живая. Да, она поступила гадко с нами, но она моя сестра. Я не хочу терять вас. Пожалуйста, прекрати играть благородно и по правилам: обноси чужие петли и силки, как это давно уже делают все остальные.

– Ты не понимаешь. В огородах нет тумана, Эм. А в лесу мы все жизнь ради куска мяса рискуем. И забрав чужое, я могу обречь кого-то на гибель.

Эм хотела возразить, но позади нас послышались приглушенные голоса и во двор вошли Эгор и Талия. Парень всё

ещё чуть прихрамывал после вчерашних приключений, но выглядел значительно лучше. Взъерошив короткие русые волосы, он оглядел наш двор.

– Что-то у вас даже трава не растёт. А у нас об неё тяпку сломаешь: прёт быстрее урожая.

Я смолчала, лишь украдкой глянула на сестру. Что-то с её даром было не так. Да и знать бы ещё, что за магия у неё такая. Спросить бы у кого ведающего, да нет у нас таких.

Положив топор на колоду, я собрала наколотые дрова и отнесла в дом. Вечером нужно будет комнату протопить, сырость такая кругом. Может, сорняков во дворе у нас нет, зато плесенью богаты. Свалив охапку дров у печи, я огляделась. Весна в этом году выдалась холодная и дождливая, поэтому не задумываясь, надела отцовский кожух, подбитый истрепавшимся заячьим мехом.

Выйдя на улицу, ещё раз взглянула на сестру. Слишком быстро она вырастет, понятно, что не девочка давно. Вон Талия Эгора уже нянькала во всю в её возрасте, но всё же.

– Ну, ты идешь, Томма? – Эгор маялся в нетерпении. – Я уже и мужиков наших обежал. Брок с сыном с третьей улицы тоже решили сходить разведать, что за северяне такие. Говорят, видали, как тебя вчера один из них верхом на лошади привёз.

Кивнув, я поспешила к калитке. Наконец-то, подняв её с земли, прислонила к забору.

– Потом приколочу на место, – пообещал Эгор.

Выйдя из деревни, мы направились по широкой тропе к Сердвинки. Вперёд пустили мужиков из Вотчиков, ну и заодно наших местных. А потом и вовсе решили отстать, чтобы они так пристально меня не разглядывали. А то поначалу мужики бросали косые взгляды. Но оно и понятно, откуда тут взялся посторонний?

Выглядела я в иллюзии бродяги с большой дороги, конечно, удручающе. Отцовский кожух, косматая нечёсаная голова, тщедушное телосложение. Ну, вроде как обычный ски-талец, какие время от времени забредали к нам в селенья. Эгор тоже подсуетился и наплёл местным мужикам что-то про отшельника, что пришел вслед за северянами да решил рискнуть с работой.

В общем, придумал мне легенду, чтобы не спрашивали потом, откуда мужик-то появился, которого раньше не видели. Накинув на себя качественно продуманную иллюзию чахлика, я всё крутилась перед Эгором, требуя оценить мое актёрское мастерство.

– Халтура! – со знанием дела заявил он. – Чего ты красуешься и задом виляешь. Где ты видала, чтобы мужик так вышагивал?

Хмыкнув, я поправила волосы и с укором глянула на этого малолетнего критикана.

– Ещё и глазками стреляешь, – шикнул он на меня. – Шаг шире, сутулься, и губки не надувай, как девочка, а смачно сплёвывай.

– Это неприлично, – возмутилась я.

– И рот на замке держи, – одёрнул он меня, – а то мало того, что он бабский, так ещё и приличный.

Путь в Сердвинки занимал какой-то час, не больше. Да и сама дорога была более или менее безопасна. Мертвяков здесь, конечно, видали, но редко и по одному. Искать им тут было нечего. Так что, немного расслабившись, мы вырабатывали у меня мужицкую походку: портили мою осанку, шаркали ногами и харкались по сторонам.

Уже на подходе к некогда пустовавшей Сердвинки мы, не сговариваясь, пошли медленнее. Видимо, не мне одной было боязно.

– Если что не так, сразу ноги делаем, – шепнул Эгор, – кто их знает, кто они вообще такие.

Я сначала согласно кивнула, а потом как-то спохватилась. Ведь не тронули меня вчера, а наоборот проявили невиданную заботу. Чтоб князья наши о безопасности какой-то деревенской бабы заботились? Да никогда не было такого.

– Да ничего они нам не сделают, – уверено заявила я, – мы им как рабсила нужны. Считай, за кусок хлеба работать согласны.

– В том-то и беда, – Эгор пнул небольшой камешек и остановился. – Поймут, в каком мы положении, и заставят за горбушку хлеба спины надрывать. А то и за просто так, чтобы можно было воздухом на их земле дышать.

Вот тут мне возразить было нечем. И такое вполне могло

быть.

– Поживём, увидим, Эгор, – пробормотала я. – Время покажет.

– Я всё-таки надеюсь на них. В лес за мясом и хворостом, конечно, придётся ходить, но хоть не так часто.

Я посмотрела на виднеющиеся впереди Сердвинки, потом на соседа. Я была бы счастлива вообще никогда в туман не возвращаться, и если работа здесь сократит эти походы хоть на сколько-нибудь, – я буду горбатить тут спину до изнеможения.

В Сердвинки мы заходили с опаской. Вокруг нас кипела работа. Огромные мужчины, обнаженные по пояс, возводили частокол из свежеструганных брёвен. Я с жадностьюглянула на гору веток, что валялись неподалёку. Столько добра, а не возмёшь. Хворост нам был нужен позарез.

Войдя через большие врата, мы с соседом поразились отстроенным домам. Красивые бревенчатые стены, черепичные крыши, небольшие заборчики и резные калитки. И всего ведь за пару недель возвели! И в сравнении с этими домами наши показались мне покосившимися лачугами. Это изрядно подпортило моё настроение. Хотелось тоже жить как люди, в таких вот шикарных избах.

Пройдясь вдоль всей улицы, мы так и не поняли, у кого спросить о работе. Развернувшись, вновь пошли к центральным воротам. Там я заприметила двух вчерашних князей, или вардов. Мужчины стояли и переговаривались о чём-то.

– Вон тех видишь? – шепнула я Эгору. – Они тут, вроде как, самые главные.

Я неприлично ткнула пальцем в светловолосых гигантов.

– Они чего, братья? – услышала я в ответ.

– С чего взял-то? – не поняла я вопроса.

– Похожи чем-то, – парень пожал плечами.

Я присмотрелась. Действительно, было в лицах вардов что-то неуловимо схожее.

– Пошли у них о работе спросим, что ли, – предложил Эгор.

– Они князя, – возразила я.

– Но мы-то, вроде как, и не знаем об этом. Что они, головы нам снесут за спрос-то? – пробурчал он чуть дрогнувшим голосом.

Не дожидаясь моего ответа, сосед пошел вперёд. Я вынуждено поплелась следом.

– Про походку не забывай, – шикнул он на меня, оглядываясь, – и глазками не хлопай. А то не поймут.

Скрипнув зубами, я ссутулилась и даже чуть не плюнула под ноги, но вовремя спохватилась. Иллюзия иллюзией, а воспитание никто не отменял.

Приближаясь к вардам, я почувствовала странное волнение. словно предчувствие какое.

– Местные? – не дожидаясь наших вопросов да расспросов, обратился к нам воин с пшеничными волосами. – Долго ходите! Из какой деревни пришли?

– Красенки, – ответил Эгор твердым голосом.

– Это самая дальняя от тракта? – уточнил второй вард.

– Да, господин, и самая населённая, – снова без запинки отчеканил парень.

Пшеничный хмыкнул и глянул на меня.

– У вас так заведено, что младший вперёд старшего рот открывает?

Я сглотнула. Но упрямо продолжала молчать, личина на мне, конечно, мужика, но голос-то не подделаешь и морок на него не накинешь.

– Полоумный он малость, – не краснея, соврал Эгор, – недавно пришёл в наши места, да поселился в стороночке. Не говорит он почти.

Хотелось одарить соседа суровым взглядом за такие эпитеты в мой адрес, но я вовремя спохватилась. Версия Эгора о моем скудоумии могла объяснить все мои странности.

– Работать-то может? – уточнил солнечный блондин.

– А то, – уверено ответил сосед, – пашет, как конь! Что ни скажешь – всё сделает. Дурак только, но это ничего, работе не мешает.

Я интенсивно затрясла головой, соглашаясь с Эгором.

– Что же, – мужчина окинул нас изучающим взглядом, словно прикидывал: на что мы можем сгодиться. – Обращаться ко мне – вард Сай. Не князь, не господин, не ваше-ство. Вард. Всеми работами здесь руковожу я. Понятно?

Мы с Эгором, не сговариваясь, кивнули.

– Вард Вульфрик, – вард Сай бросил взгляд на второго мужчину с пепельной косой, – если заметите где воинов вашего бывшего князя, мертвяков, теней, или ещё что подозрительное, сообщать ему незамедлительно. Это понятно?

Мы снова кивнули. Вард Вульфрик, странно потянув носом воздух, уставился на меня в упор и даже шаг вперед сделал, но остановился и озадачено почесал висок.

«Запах» – поняла я.

Словно читая мои мысли, пепельноволосый гигант снова принялся.

«Вдруг он запомнил мой аромат? – завопил внутренний голос, организуя панику. – Нет, разве такое возможно?! Глупости!»

Взор светлых карих очей северянина стал, ну совсем колючим, словно он меня насквозь пронзал.

Сглотнув, я инстинктивно спряталась за Эгора.

– Чего это он? – прокомментировал мои действия вопросом вард Сай.

– Я же говорю – головой тронутый, боится внимания. От чужаков, бывает, шугается. С юга он, может, где дубину об него приласкали, вот и чудит. Дурак он, господин.

– Вард, – тут же поправил его северянин.

– А вард – это как командир отряда? – пропищал Эгор, пытаясь отвлечь внимание от моей персоны. – А то девица у нас в деревне сказала, что как князь.

– Девица, говоришь? Русоволосая красавица, что вчера

нам попалась? – уточнил вард Вульфрик.

– Ага, – Эгор кивнул, – так и сказала – князи северные.

– А что смущает, парень? – снова хмыкнул северянин. – Что, на князей не тянем?

Эгор сглотнул, похоже, уже пожалев о своем длинном языке.

– Князь с простым людом не говорит, – выдавил он из себя.

Вульфрик неожиданно тепло рассмеялся, и в этот момент я почувствовала тонкий аромат свежей древесины и сосновой смолы. Так пах папа. Забывшись, теперь уже я уставилась на мужчину, готовая расплакаться от нахлынувших чувств. Этот запах будоражил душу, выворачивая её наизнанку.

– А что у князя вашего язык отвалится, если он с простым людом разговоры вести начнёт? – подколот Эгора мужчина.

– Наверное, нет, господин, – смущённо ответил мальчишка.

– Вард, парень. Обращаться ко мне – вард и никак иначе. Ты-то не полоумный вроде, – вард Вульфрик строго глянул на мальчишку. – В общем, сейчас выйдете за ворота и налево вдоль частокола. Там отыщете ваших. Сегодня рубите дрова. Пока всю работу не выполните, никто никуда не уходит. Получите, что заработали, и вернётесь завтра.

Кивнув, мы снова замерли истуканами.

– Чего стоим? Чего ждём? – приподняв бровь, поинтере-

совался вард Сай.

Переглянувшись с Эгором, неуверенно развернулись в сторону главных врат и понеслись к ним. Только оказавшись за забором, перевели дух.

– Какие-то они неправильные князья, – пробурчал Эгор.

– Варды, – не задумываясь, поправила я его.

– Ага, варды, – выдохнул он. – Что это за варды, которые до общения с челядью опускаются?! А этот второй такие дыры в тебе прожигал. Может, понял, что с тобой не всё ладно?

Я на мгновение призадумалась и качнула головой.

– Нет, не мог. А вообще, это северные варды! Может, у них так заведено, – неуверенно пробормотала я.

– Всё равно жуткие они. Вроде, как и спокойно говорят, а поджилки трясутся.

Я пожала плечами, ничего подобного я не почувствовала. Мне до сих пор мерещился этот неповторимый запах моего счастливого детства. Папа любил строгать по дереву. Он вырезал нам деревянные игрушки: зайчиков, волков, петушков. Каждый раз, принося нам эти фигурки, он улыбался и целовал нас в щёчки, говоря, что мы его маленькие красавицы. Я подносила к лицу эти игрушки и слышала запах свежего дерева и смолы.

Запах безвозвратно утерянного счастья.

– Пошли, что ли, – проворчал Эгор, и мы отправиться искать остальных согласных вкалывать за кусок хлеба.

Скажем, работёнка оказалась пусть и не лёгкой, но вполне

терпимой. Нам указали на сложенные друг на друга стволы деревьев. И обозначили задачу: порубить на дрова. Просто и понятно.

Получив на руки несколько острых пил и топоров, мы принялись за работу. Мужики распиливали стволы на чурбаны, длиною примерно в мой локоть, а мы с Эгором рубили их на дрова. Девятилетний внук одного из мужиков из Красенок собирал деревяшки и складывал их на телегу, стоявшую рядышком.

Так мы, не разгибая спины, пахали в робкой надежде, что нас не обманут и дадут хотя бы по буханке хлеба.

В обед к нам нагрянули с проверкой и не абы кто, а сами варды. Которые, как я подметила, старались вообще всё здесь держать под контролем. На мягкотелых князей они совершенно не походили.

Осмотрев объём выполненной нами работы, вард Вульффрик уважительно кивнул. Я, быстренько заскочив за телегу, выглядывала оттуда, боясь приблизиться к этому гиганту. Но между тем, его взгляд периодически останавливался на мне.

– Не лодыри, – довольно сделал выводы вард, – пахать умеете. А скажите-ка мне, как тут раньше было. Поля сеяли? Охотой жили? Или дерево заготавливали?

Мужики переглянулись, но никто не решался первым раскрыть рот. Видя это, вард Сай окинул нашу компанию строгим взглядом.

– Когда вард задаёт вопрос – нужно отвечать, – сурово

отчитал нас он.

– Сытно здесь никогда не было, – негромко принялся рассказывать старик Малойо из нашей деревни. – Но пока старый князь правил, помощь приходила. Продовольствие возили. Мы им дерево, меха, мясо, а нам – зерно, овощи да фрукты. Но и свои поля были. Рожь хорошо росла. В огородах на муку ещё и горох высаживали. Сады, какие-никакие, были: вишня чёрная, ранет да айва северная.

Старик умолк и затравленно глянул на грозного воина, восседающего на огромном жеребце. У его ног сидел огромный чёрный волк. Возможно, я бы и не заострила на нём внимание, если бы эта зверюга не уставилась так на меня, не мигая. Волк и его хозяин меня нервировали до жути.

Поёжившись под пристальным взглядом слишком умных для зверя глаз, я зыркнула на его хозяина. Вард также пристально всматривался в моё лицо. Да что ему от меня нужно? Тем временем в его светлых карих глазах разгоралось красное пламя.

– Вульф, – вард Сай дернул брата за рукав чёрного кафтана, – поехали на северную сторону. Что-то обоза не видать.

Кивнув, сероволосый северянин нехотя отвёл от меня взгляд и, бросив короткое «накормить» рядом стоящему воину-северянину, ускакал.

Комментировать наш короткий диалог с пришлыми никто не стал.

Вскоре к нам подъехала небольшая повозка. Откинув

плотную ткань, возница явил нашему взору чудной ящик с выдвижными полками, а на них в ряд стояли красивые, румяные квадратные буханки хлеба с поджаристыми корочками. Вокруг телеги витал такой аромат, что мы потянулись к ней носами. Во рту скопилась слюна, и предательски заурчали животы. Девять измождённых мужиков поедали свежий хлеб голодными глазами.

Не обращая на нас внимания, невысокий мужичок в добротном сером кафтане выдвинул нижнюю полку, достал целую буханку и, разломив её пополам, отдал оба ломтя стоящему рядом мужику. Следом, откинув крышку большого бидона, зачерпнул в нём металлической кружкой молоко и отдал всё тому же впавшему в ступор Малойю.

Мы, не веря в такую щедрость, шагнули ближе.

– Следи за собой, – шикнул Эгор, – иллюзия спадает.

Опомнившись, я подправила свой образ. Когда пришла моя очередь, я выхватила два огромных куска хлеба и полную кружку молока. Как и остальные, отломив себе немного, спрятала хлеб за пазуху. А вот молоко выпила с таким удовольствием! Жаль, Эмбер его не принесёшь. Такое же сожаление я видела на лицах остальных мужиков. У каждого дома дети по лавкам сидят.

Поев, мы снова взялись за работу. Брёвна, чурки, дрова. Пилы и топоры буквально горели в наших руках. Даже если нас и обманут, в чём мы уже сильно сомневались, то у нас уже за пазухой у каждого по булке хлеба. В последнюю

очередь мы принялись собирать в связки порубленные ветки деревьев. Складывая хворост, я с сожалением глянула на такое добро. Он был сухой. А мне печь сегодня топить.

Уже ближе к вечеру, когда мы закончили и собрали все дрова и хворост, снова приехала крытая телега. А с ней и вард Сай. Окинув нас взглядом, северянин ухмыльнулся.

– Ну что, закончили? – довольно ухмыльнулся он. – Выберите у себя главного, с кого спрос держать будем. А пока получите, что заработали.

Как по волшебству, ткань снова откинулась, но хлеба там уже не было: на полках лежало десять тряпичных мешков. Возница ловко всучил по одному в каждые руки. Даже мальчишке, что дровишки собирать помогал. Что удивило.

Не удержавшись, я распахнула мешок и сунула туда любопытный нос: хлеб, головка сыра, немного вяленого мяса, копчёная рыба. Да такого добра нам дня на три хватит с Эмбер! Я довольно улыбнулась. Вот бы молока ещё и хворосту.

Жадно глянув в сторону вязанок, тяжело вздохнула.

– Довольны? – спросил вард Сай.

Склонив голову на бок, он оценивающе на нас поглядывал. В его собранных в высокий хвост длинных волосах играл ветер. Мужчина был очень красив и на первый взгляд добр. Но только пока не заглянешь в его светлые, совсем как у брата, карие глаза. А там таился холод и равнодушие. И именно это отпугивало.

– Когда вард спрашивает – необходимо отвечать! – грубо

произнёс он.

– Довольны, господин, – проямлил Малойо.

– Вард! Не господин и не князь, – снова поправил нас северянин.

– Довольны, вард, – ещё тише произнес старик.

– Вот и замечательно. Завтра будем лес зачищать, придет-ся рыть за деревней могилы: слабые желудком остаются без работы. Такие есть?

– Нет, вард, – разом ответили все, даже малыш Тахо.

Кивнув, вард стегнул коня и ускакал.

Мужики потихоньку разошлись, а я всё не могла забыть об этом хворосте. Страшно не хотелось к лесу за ним идти. Как представлю, что снова в туман, так передёргивает всю. А тут вот он лежит. Горы вязанок сухих ветвей. И никто за ними не смотрит. А мне, чтобы такую собрать, по лесу часа три шастать нужно.

Закралась мысль: «Украсть!»

Северяне не заметят пропажи одной связки, а нам её на пару дней хватит. Решиться бы на такой шаг. Ну, кому плохо будет, если пропадёт одна маленькая вязанка хвороста? Да никому! Северяне тумана не боятся, я сама видела, как тени растаяли, только их заприметив. И мертвяки таким здоровякам нипочем, они им хребты переломят и дальше пойдут.

– Ну, чего ты? – Эгор дернул меня за руку. – Пошли уже. Дома малые голодные, матери ещё помочь нужно казан почистить.

Я сделала пару шагов к дороге и остановилась, снова засмотрелась на скинутое за телегами добро.

– Может, хворосту умыкнём? – тихо предложила я.

Эгор дернул меня за руку сильнее.

– Сдурела, Томма? Поймают – голову снесут, – обрисовал он риск одной фразой. В этом он был прав, поймают – худо будет. Но снова идти в туман...

– Не поймают, – неуверенно пробормотала, глядя по сторонам, – я отвлеку – ты умыкнешь.

Эгор оценивающе глянул на просушенный и хорошо связанный хворост.

– Соглашайся, Эгор, они и не заметят. Всё это будет лежать тут и гнить.

За что я любила соседа, так это за его здоровую склонность к рискованным мероприятиям.

– Ладно, но если что – делаем ноги, – быстро согласился он.

Я довольно улыбнулась.

К главным воротам поселения выскочила небольшая дворовая собачонка. Внимательно осмотревшись, пёсик поднялся на задние лапы и, задорно виляя хвостом, принялся плясать на месте. Первые несколько секунд на него никто не обращал внимания. Затем, приметя такое странное поведение, один северянин толкнул второго в бок. Вокруг собиралась толпа зевак.

Став центром внимания, пёс, энергичнее виляя задом, за-

крутился на месте.

– Во даёт! – ухмыльнулся возница, остановив телегу.

Мужики, посмеиваясь, продолжали глазеть на представление. Поняв, что произвела фурор на публику, я принялась забавно перебирать передними лапами в воздухе, совсем уж выходя из образа «собаки обыкновенной».

– Что у вас тут? – раздался совсем рядом знакомый голос. В воздухе словно растёкся аромат сосновой смолы и свежесрубленного дерева. Развернувшись, я увидела варда Вульфрика. Мужчина сурово глянул в мою сторону и снова принюхался. Он неожиданности я запнулась и приземлилась на землю, но иллюзию удержала.

– Так танцует, вард, – хмыкнул возница, – отродясь таких смешных псов не видал. Может еды просит?

Фальшиво твякнув, я вновь вскочила на задние лапы... ну ноги... и завиляла несуществующим хвостом, как метёлкой.

Три шага влево – покрутились, три шага вправо – покрутились. Как бы не просекли, что к чему...

– Может, бешеный? – предположил один из воинов, я тут же оскалилась в его сторону. Образ собаки мне особенно хорошо давался. Натурально, так сказать.

– Так, разошлись! Тмарих, дай псу пожрать. Хватит тут толпою стоять, – рявкнул вард и все разбежались.

В мою сторону полетела большая баранка. Поймав её на лету передними лапами, я отправилась восвояси на задних ногах. Делать мне больше нечего, как на четвереньки вста-

вать.

– Может, правда, бешеный? – прилетело мне в спину.

Ну, ничего не поделаешь. Аккуратно зажав баранку во рту, я встала на четвереньки и поплелась в сторону дома.

– Да, не, нормальная, просто надрессировали, – тут же уверовали в мою собачью адекватность мужики. Только стоявший у телеги большой чёрный волк, неодобрительно глядя на меня, покачал головой. Много он вообще понимает в искусстве быть собакой!

А вокруг меня витал манящий запах древесины.

Пройдя немного и убедившись, что дорога пуста, скинула иллюзию и побежала вперёд. Эгор ждал меня за поворотом. У его ног лежала не одна, а две связки хвороста. Грабёж удался. И мне нисколечко не было стыдно. Это же не чужие ловушки в тумане обчистить.

Глава 5

Домой добрались очень быстро. Подсознательный страх, что мы украли у северян пусть и не ценный для них, но жизненно важный для нас хворост, гнал вперёд. Все казалось, что сейчас за спиной раздастся лошадиный топот и ржание, и нас нагонят с вопросом: «Откуда дровишки?» В голове одно за другим мелькали оправдания. Нашли, собрали, нарубили... украли!

Запоздало проснулось чувство вины. Нам дали работу, нас накормили, а мы украли. И пусть это всего лишь перевязанный хворост. Но ведь взяли без дозволения!

– Знаешь, – шепнула я тихо, – надо было у них его просто попросить.

– Думаешь, разрешили бы взять? – с долей сомнения поинтересовался Эгор и сплюнул на дорогу. Кажется, его тоже терзала совесть, не меньше, чем меня.

– Думаю, да, – тяжело вздохнула я. – Сам подумай, это всего лишь сухие ветки. Они леса не боятся, для них это пустяк.

– Угу, – удрученно отозвался сосед. – Можно завтра спросить, – предложил он.

– И подставиться, – я покачала головой, – если сегодня заметили пропажу, то сразу поймут, кто взял.

Эгор махнул на меня рукой и тихо засмеялся.

– Не заметили, – уже более весёлым голосом ответил он. – Я взял те, что покидали за телегу. Они и не смотрели там. Мне проблемы не нужны: на кого я мать с сестрами оставлю, случись что. Так что, взял то, что и не учтено было. Я его специально туда припрятал еще в обед, ну мало ли. Так что не хватятся они.

– Уверен? – я глянула на мальчишку.

Надо же, он меня на десяток лет младше, а мыслит как взрослый ответственный мужчина. Может и хорошо это, что пришли северяне. Может, хоть какое-нибудь светлое будущее у нас появится, а не крошечная безнадёга.

– Я что, дурачок деревенский?! – кажется, Эгор даже обиделся. – Ко всему с умом подходить нужно!

Я улыбнулась и подправила вязанку хвороста, что несла на плечах за спиной. Такая ноша тяжёлой не казалась. Себе же ташу.

Проходя мимо жилых домов, мы ловили на себе завистливые взгляды. Эгор с утра всех обежал, но большинство его высмеяло, мол, наивный малый, в княжескую милость веришь. Не заплатят, а пахать заставят. А теперь он возвращался, гордо расправив плечи. Наверняка мужики, что вернулись вперед нас, уже растрезвонили и о сытном обеде, и о щедрой зарплате.

А тут мы: Эгор и мужик новый пришлый. Мало того, что с продуктами, так ещё и хворост волочём.

Обогнув наш дом, я скинула иллюзию и уже через огород

пробралась к крыльцу. Скинув хворост, осмотрелась. Эмбер меня не встретила, и ведро с золой у калитки стоит. Печь чистила, а золу не вынесла.

Тревога кольнула сердце.

Войдя в дом, тут же увидела спящую сидя у печи сестру. Видимо, как работала, так и отключилась. Подойдя к Эмбер, опустилась перед ней на колени. В глаза бросился нездоровый румянец на её щеках.

Доигрались в самостоятельность. Заболела.

Растормошив сестру, я заставила её перелечь на кровать. Она не сопротивлялась. Вялая, слабая и такая худенькая. Ну, о чём я думала, когда её на хозяйстве оставляла?!

Бросив на стол мешок с едой, кинулась доделывать работу по дому. В первую очередь дочистила печь, вынесла золу. Набрав охапку дров, сокрушено покачала головой. Дровница была почти пуста. Ладно бы Эмбер была здорова, можно было бы топить только на вечер, но сейчас этого будет мало.

Через полчаса в печи плясал весёлый огонек, разгораясь на принесённом от северян сухом хворосте. Взяв старый издавший виды казанок, поставила его на пока ещё холодную печь, убрав пару колец с конфорки. Налив в него воды, отправилась за мясом в холодный подпол. Всё, чем мы были богаты – заячья задняя ляжка, птичья спинка да пара крылышек.

В лес придётся идти за дичью. Мясной бульон Эмбер нужен. Но это потом. Это завтра или послезавтра. А пока сва-

рить легкий суп и запарить травы. Подставив низенькую табуретку, я достала мешочек с травами от хвори да лихорадки. И тут шаром покати. Вспомнила, что ещё неделю назад хотела на поиски идти, да замоталась. В сердцах сжав остатки травы, обругала себя мысленно очень нехорошими словами.

Нужно бежать к реке.

Вытряхнув остатки травы в железную миску, сунула мешок в карман. Поднимаясь по лестнице, продумала дальнейший план. Сейчас ставить варить суп бессмысленно, пока сварится, уже ночь глубокая будет. А Эмбер всё равно спит и есть сейчас не станет. Значит, сначала к реке за травами, а потом уже и кипяток сделаю, и ужин приготовлю. Оставив на столе всю еду, что сегодня получила за работу, выглянула в окно. Опять тучки набежали. Нужно будет топить больше. Пойдет дождь – всё мигом отсыреет.

Ставив с себя кожух, накинула на старенькое платье зипун. Он прекрасно защищал от непогоды. Тихо, скорее по привычке, я вышла из дома. Эмбер крепко спала. Её болезнь оказалась так некстати.

Собрав хворост, уложила его в дровнице, чтобы не промок. Завтра схожу в лес, возьму с собой старенькую тачку и привезу поленьев больше. Отодвинув в сторону калитку, вышла на улицу и приладила её на место. Всё разваливается на глазах. Непутёвая из меня хозяйка.

Не теряя времени, побежала в сторону речки. Темнело у

нас быстро, чуть замешкаешься, и придётся в потемках домой пробираться. До поросшего кустарником берега добралась быстро. Склонившись к самой земле, принялась искать полынь да клоповник. В прошлом году их было здесь с избытком. Полазив немного по кустам, уловила знакомый запах. Так и есть: в двух шагах от себя заметила пахучую полынь. Опустившись на четвереньки, не жалея платья, я принялась рвать молодые зеленые ростки и складывать их в мешочек. Вскоре отыскался и клоповник.

Разогнув наконец-то спину, с удовольствием отметила, что набрала уже треть мешочка. Этого было более чем достаточно. Нужно возвращаться.

Выбравшись из небольшого оврага, я устало поплелась вдоль берега. Проходя мимо дома отшельников, обратила внимание, что свет в их окнах не горит. Даже отсвета свечи не видать. И в прошлый раз, как с северянином ехали, тоже темно было.

Неужто съехали куда?

Семьями у нас ещё никогда не пропадали. Не было такого, один-двое, но чтобы всё семейство и в один день? Нет. Значит, по-тихому, решили места получше сыскать, а то и на юг подались. Когда семья большая, не так страшны перемены.

Может, оставили после себя чего: дрова, например, у них-то в семье три мужика было, глава семьи да сыновья подростки, для них поленья не ахти какая ценность.

Тихо приоткрыв калитку, я вошла во двор.

Тишина.

Пройдя пару шагов, вздрогнула, услышав позади себя скрип несмазанных петель. Дав самой себе затрещину, чуть расслабилась. Нужно осмотреть сам дом и огород, может, растёт что съестное. Если найду ростки какие, так за лопатой сбегая и выкопаю, пока кто другой не сообразил, что дом бросили.

Солнце уже скрылось за горизонтом. Но в сумерках ещё можно было что-то рассмотреть.

Заглянув в дровницу, расстроилась – всего три деревяшки.

Неужто утащили с собой?! Обошла дом. Тишина такая странная, даже лягушки не квакают. В душе зазвенел первый колокольчик тревоги. Что-то здесь было не так. Вот коли уезжали – должен остаться лёгкий бардак. Это ведь собирали вещи в телегу, разбирали сараи, таскали вещи, какое-то старье должны были отбросить в сторону. И следов нет ни от колес повозки, ни от волочения мебели.

Ничего!

У крыльца я заметила сколоченную детскую тачку. Это была хорошо сделанная игрушка. Разве бы такую оставили? Да нет, конечно. Взявшись за ручку двери, ведущей в дом, я замерла на мгновение. И передумала. Чтобы тут ни случилось – это настораживает. Чистый двор, нет следов переезда, игрушка на месте, калитка не заперта, а в доме темно.

Уходить отсюда нужно, а утром поведать об этих странно-

стях мужикам. Или вардам, пусть проверяют сами.

Сделав шаг назад, тихо повернулась и забыла, как дышать.

На меня мёртвыми глазами смотрела хозяйка этого туманом проклятого дома. За её спиной я заметила детей. Словно куклы они раскачивались из стороны в сторону и не сводили с меня красных мутных глаз. Так близко мертвяков я ещё никогда не видела. Хотя нет, видела, но лишь однажды и до сих пор не могу спокойно спать.

В это мгновение я отчётливо поняла, что случилось в этом доме. Кто-то из них вернулся из леса обращённым. А у остальных не поднялась рука его убить. Они предпочли позволить погубить себя. Я со смешанным чувством жалости и страха смотрела на деток. Им бы ещё жить и жить. За спиной со стороны огорода раздался хруст ветки. В такой звенящей тишине этот звук показался оглушительным.

Я не двигалась, замерев истуканом. Выходы для меня были отрезаны. Осталось только одно. Отмерев, я вскочила на перила крыльца и ловко забралась на козырёк. Все дома у нас строили по схожему принципу, и забираться на крышу крылечка я умела с детства. Мёртвые глухо зарычали и двинулись в мою сторону, но было уже поздно – я оказалась вне досягаемости.

А дальше-то что делать?

Замерев, я осознала, как влипла со своим желанием чем-нибудь поживиться. Будет мне урок. Головой нужно думать. Осторожней быть и не таскаться, где ни попадя, в тёмное

время суток. Замерев, глянула вниз. Мёртвые топтались на месте, не понимая, куда я исчезла. Хуже всего, что я оставила распахнутой калитку. Не приведи Высшие, они выберутся со двора. Могут ведь и разорвать кого-нибудь. Сглотнув, зажмурилась. Надо выбираться.

Проходили минуты, а обитатели этого жуткого дома не двигались с места. Я понимала, совсем стемнело и сейчас всё, что я могу, – это ждать рассвета. Снизу периодически доносилось рычание и неясное мычание. Трясаясь от страха, я неосознанно поджимала ноги, боясь, что вот сейчас в темноте кто-нибудь меня схватит и потащит вниз.

Часы тянулись нескончаемой вечностью. Луна зашла за горизонт.

Первое пение птиц – предвестников рассвета я встретила со слезами на глазах. Дома уже, наверное, остыла печь. А если Эмбер проснётся, а меня нет? Думать об этом страшно. Сестра с ума сойдёт от ужаса.

Когда на небе появились первые лучики солнца, я поползла к краю крыши и тихо, как мышь, выглянула. Они стояли на месте, раскачиваясь, как тени. Женщина, двое детей и чуть в стороне – мужчина. Я не знала их имён, для нас они были просто отшельники. Замкнутая семья, которая зла никому не делала.

На их месте могли быть и мы.

На меня волною нахлынули воспоминания двухлетней давности, когда вот такой же ночью скрипнула калитка, и

вернулся отец. Ещё живой, но уже обречённый. Вернулся, потому что, как и я, не мог представить, что в доме останутся одни три его дочери. Он лежал за сараем и всё бубнил: «Траву Эмбер принести! Нельзя их одних оставлять, пропадут, зайчатки мои». Слёзы хлынули из моих глаз рекою.

Чтобы ни говорили Лестра и Эмбер, я знала, что гнало отца домой, о ком он думал в последние часы своей жизни. Когда я прощалась с ним, мои руки дрожали, когда приставляла к его груди вилы, я понимала, насколько он мне дорог и как любим. Мой самый сильный и добрый папа.

Не сдерживаясь, я редела в голос, осознавая, что никто меня не спасёт, никто и не догадается сюда прийти. Мёртвые замычали громче, услышав меня. Я ничего не могла: ни позвать на помощь, потому что дом стоял на отшибе, ни спуститься и убежать. На моем пути стояли мёртвые, но не упокоенные.

Время вновь потянулось мучительно медленно.

Солнце встало высоко, и не по-весеннему жарко припекало. Где-то слышалась одинокая птичья трель, и вновь всё стихло. Выглянув, я поняла, что мужчина ушёл с прежнего места и теперь находился у самой калитки. Сообразив, что это мой шанс, осторожно забралась повыше и по прогнившему карнизу, крадучись и не дыша, перешла на другую сторону. Всё, что мне нужно было, чтобы спастись – это спрыгнуть вниз и убежать через огород.

Это казалось безумием. Но иного выхода не было.

Зажмурившись, я досчитала до трёх и прыгнула. На мгновение от страха кольнуло в груди. Приземление вышло жёстким, я подавилась собственным дыханием, а ногу обожгла резкая боль. Закусив губу до крови, хромая и шатаясь, я упорно пошла вперёд к забору. Позади зарычали, но я не обратила внимания.

Спасение близко – только забор переползти.

Моя магия взбунтовалась и я чувствовала, как мелькают иллюзии, делая меня то старухой, то мужиком, то дворовым псом. Ухватившись за довольно высокий забор, подтянулась, и, забывшись, забросила повреждённую ногу. От боли потемнело в глазах, но я не проронила ни звука. Обернувшись, увидела, что в мою сторону идут дети, а вот взрослых не видеть.

Скрипнула калитка.

Они вышли наружу, поняла я и поторопилась. Мёртвые отнюдь не были глупы, что-то в их головах оставалось. И проверять сейчас, насколько хорошо сохранилось их сознание, я не хотела. Упав мешком по другую сторону забора, поднялась и, утирая рукавом слёзы, мешающие видеть, как могла, быстро, хватаясь за ветви кустов, принялась спускаться к воде. Здесь заводь, жуткий запах тины. Могут и не заметить. В тумане самый верный способ спрятаться от мёртвых – болото. Может, и здесь получится.

Практически добежав до воды, споткнулась и кубарем полетела в воду. Не поднимаясь на ноги, прямо на четверень-

ках в густом скользком иле поползла в ближайшие прибрежные заросли. Позади чуть выше что-то шуршало, но я упорно искала укрытие. Забравшись в кусты, растущие в самой воде, притихла и старалась даже не дышать.

Хоть бы пронесло и на этот раз!

Сбоку раздался треск. Мертвец зашёл в воду и замер истуканом. Пошатываясь, он натужно захрипел. Мысленно я молила его уйти.

Убраться отсюда и позволить мне передохнуть.

Ухватившись за намокший мешок с травой, так нужной сестре, хотела только одного – вернуться домой живой и здоровой.

Но мертвец стоял на месте и не шевелился.

От холода меня трясло. Сидя в ледяной воде, я понимала, что эта трава от лихорадки, собранная мною вчера вечером, понадобится мне самой, если останусь в живых. Если не погибну тут, под этими зарослями кустов, в этой мутной, вонищей донельзя, до рези в глазах, холодной воде. Здесь наверняка и тела моего не найдут. Вода скроет все следы моей смерти.

Сглотнув, я не удержавшись, издала рвотный позыв. Терпеть запах было выше моих сил. Мертвяк дёрнулся и повернулся в мою сторону. В носу нестерпимо щипало, во рту всё свело. Но я зажала его и терпела, как могла, понимая, что следующий звук выдаст моё местонахождение.

Что-то знакомо вжикнуло в воздухе. Мёртвый качнулся

и повалился лицом вниз. Из его затылка торчала длинная тонкая стрела с белым оперением. Таких в нашей деревне ни у кого не водилось. Я услышала громкий топот нескольких пар ног.

Кто-то, не скрываясь, спускался к берегу.

К покойнику подбежал воин в чёрном кафтане и, размахнувшись, пронзил тело длинным копьём.

– Здесь ещё один, – громко крикнул он.

Не удержавшись, я всё-таки опорожнила свой желудок. Звук вышел громким. Обернувшись, воин мгновенно натянул тетиву и нацелился на меня стрелой.

Я вновь замерла.

– Я живая, – прошептала я посиневшими губами.

– Я нашел девчонку, вард, – выкрикнул воин и опустил лук. – Живую.

Я попыталась подняться, но тут же вскрикнула. Ноги онемели так, что я почти их не чувствовала. Не вставая, я на коленях выползла из воды. Сверху донесся какой-то шум, словно что-то обрушили.

Топот, ржание лошади.

А я упорно ползла к своим спасителям.

Северяне снова спасли мне жизнь. Кто-то подхватил меня за талию и поднял. Повиснув на чьей-то сильной руке, позволила вытащить себя на берег. Мужчина отнёс меня выше и посадил на землю.

– Опять ты, – услышала я над собой. – Ну и смердит от

тебя. Что за вонь? – подняв голову, увидела вардов. – Да, умеешь ты влипать в истории, красавица, – веселился вард Сай.

Но сейчас это его радостное настроение показалось мне таким неуместным. Разревевшись от пережитого ужаса, я спрятала лицо в ладонях, понимая, как жалко, как мерзко сейчас выгляжу.

– Ну вот, а я уж было хотел похвалить за отвагу и стойкость, – снова поддел меня вард.

– Заткнись, Сай, – устало одёрнул его вард Вульффрик, – твой жизнерадостный посыл сейчас не уместен.

Спешившись с лошади, рослый пепельноволосый вард присел рядом со мной и погладил по голове, совсем как ребёнка. Похоже, его не смущал ни запах, ни мой жуткий внешний вид.

– И давно ты тут прячешься? – негромко спросил он.

Я закивала головой, не совсем осознавая, что нужно ответить. Бессонная ночь давала о себе знать, в голове царил туман, а перед глазами расплывались чёрные круги. Осторожно взяв за подбородок, вард поднял мою голову и повернул к себе. Я встретила взглядом с необычными ореховыми глазами, в которых горел красный огонёк.

– Как долго ты здесь находишься?

– Вечером пошла за травами, – прошептала я охрипшим немного простуженным голосом, – сестра заболела. Обратила и заметила, что в доме света нет. Зашла проверить и... –

я громко закашлялась.

– Да вроде взрослая девочка. Выросла у тумана и так глупо попалась? – покачал головой вард, пристыдив меня.

– Семьями никогда раньше не пропадали, не было такого, – попыталась я оправдать свою глупость, но звучало как-то жалко.

– Всё бывает в первый раз, девочка. Как тебя зовут? – улыбнулся он.

– Томмали, дочь Эсама из Красенок, – представилась я.

– Томмали, – протянул мужчина, – красивое имя. Почему же тебя, Томмали, никто не ищет? Где же твой отец? Где семья?

Он задавал не те вопросы, на которые я бы хотела отвечать. Но сейчас, зная, что северяне захватили здесь власть и территорию, врать было не просто глупо, а опасно.

Прознает, разозлится и худо мне будет!

– Нет папы, – честно призналась я, – есть только я и младшая сестра. Она болеет, сильно. Мне нужно домой, вард. Она там одна. Совсем одна, понимаете?

Его взгляд мгновенно стал серьёзнее и острее. Отчего-то почудилось, что меня сейчас распекают будут.

– Понимаю, что ты совсем без головы, – сурово проговорил северянин, – идти на ночь глядя туда, где опасно. Зная при этом, что искать тебя никто не станет.

– У меня сестра болеет, – пробормотала я.

– А теперь ещё и ты болеешь. Большой глупости я ещё не

видел! – рыкнул вард, – Сай, подлечи её.

Северянин встал, и словно забыл про меня. Вокруг ходили воины, стаскивали мертвецов зачем-то в дом. Рядом со мной присел уже пшеничноволосый вард Сай.

– А знаешь, не буду я тебя лечить. Уроком тебе будет, – с довольным лицом сообщил он мне. – Больше не станешь в туман соваться и шляться ночью по окраинам.

Но это прозвучало так жестоко. В моей душе поднялась оглушающая волна возмущения и обиды на них.

– Вам никогда не понять, что такое похоронить всех. Потерять семью. Вам никогда не испытать страха за жизнь последнего родного человека, – выдохнула я, не справившись со своими эмоциями. – Я ходила, и буду ходить в туман за едой и за травами, даже если мне придётся ползать среди мертвяков. Мне не нужно ваше лечение. Я просто хочу вернуться домой к своей сестрёнке. Запарить ей травы и сварить суп. Успокоить её, ведь она наверняка думает, что я умерла. Мне не нужен урок, вард, меня жизнь уже всему научила. И этот ночной кошмар я учту. А лечение ваше оставьте при себе, и без него выживу.

Поднявшись, я смело глянула в лицо северянину. Склонив голову набок, он внимательно глянул на меня.

– Что же, – хмыкнул он. Улыбка сошла с его лица, и на меня в упор смотрел серьёзный жёсткий мужчина. – Всё же стоит похвалить тебя за стойкость. Хорошая ты девочка, жаль, не моя.

При этих словах он как-то странно глянул в сторону второго варда.

– Вы братья? – вырвался у меня вопрос.

Испугавшись своей дерзости, я прикусила язык.

– А что, похожи? – улыбнулся он, словно снова надев добрую маску на истинное лицо.

Я кивнула, боясь раскрыть рот, мало ли что ещё оттуда вырвется.

– Да, братья кровные. Всего нас пятеро. Поверь, я знаю, что такое сидеть у кровати больного брата. Двое из нас пожиратели и сильные. Ты знаешь, кто это?

Я отрицательно качнула головой.

– Это, девочка, те, кто способен поглотить чужой дар. Высушить до дна. Когда такие дети растут – они постоянно болеют. Хворь за хворью. Многие удивляются, как я смог так сильно развить свой дар целителя, а всё очень просто – я лечил каждый день своих младших братьев. Они питались за счёт меня. Так что я знаю, что такое страх перед болезнью. Но это не извиняет и не умоляет твоей глупости. Даже если ты пошла в ночь за этой травой, хотя я уверен, что у твоих соседей наверняка нашлась бы щепотка полыни, а судя по запаху в твоём мешке именно она. Ты могла бы пообещать принести им в десять раз больше в обмен на помощь.

Мужчина сурово глянул мне в глаза. А я осознала, что в его словах не просто крупица истинны, он говорил здравые вещи. Правильные слова. Видимо, я и, правда, глупа как

пробка.

– Ну, даже если ты и пошла собирать полынь, зачем в дом-то полезла? Нет света в окнах – приди в деревню и скажи об этом мужикам.

К нам снова подошел вард Вульфрик и встал за спиной брата.

– Что, в деревне нет мужиков? – поинтересовался вард Сай.

– Есть, – тихо шепнула я.

– Есть, – протянул вард Сай. – Вчера я сказал вашим мужчинам, что если они обнаружат мертвяков или живых подозрительных типов, то обязаны сказать нам. Сегодня на рассвете пришли работники с вашей деревни и сказали, что дом этот странно пуст. Ты зачем сюда полезла? Ради чего?

Я опустила глаза, чувствуя себя жалкой и безголовой. Этот мужчина пристыдил меня, так как, как никто никогда не делал. И сказать ведь ему было нечего.

– Зачем ты полезла в пустой дом? – допытывался вард Сай.

– Подумала, что они съехали, и решила проверить – остались ли дрова. Дом протапливать нужно, а нечем. Дровница пуста, – честно созналась я.

Мужчины криво усмехнулись.

– Ну, тогда ладно, хоть не по наивности душевной, – прокомментировал мои откровения вард Вульфрик. – А топить-то зачем? Весна на дворе, тепло уже?

– Сестра болеет, – выдохнула я. – Она мёрзнет постоянно. Крыша протекает, как дождь, так сырость.

– Потерпи уж немного, скоро всё изменится, – сочувственно подбодрил меня он.

Кивнула, хотя и не понимала, что может измениться в моей жизни. Мужчины молчали. Я же нервно одёрнула дрожащей рукой подол мокрого грязного платья. Как же от меня воняло. Подняв голову, вновь поймала на себе пристальный немигающий взгляд варда Вульфрика. Он будто зачаровывал. Огонёк в его глазах разгорался, немного пугая.

– Кьерн, – выкрикнул вард Сай, к нам тут же поспешил знакомый воин. – Отведи девочку домой.

Воин кивнул и поманил меня рукой. Хромая, я незамедлительно пошла к нему.

– Подожди, – на мою руку опустилась тяжёлая ладонь. Спустя мгновение я почувствовала знакомое тепло целительной энергии. Так когда-то лечила мама.

– А вы не могли бы посмотреть мою сестру? – не удержавшись, попросила я варда Сая. – Она очень хорошая девушка. Я приведу её, куда скажете, только гляньте, пожалуйста.

Я редко когда о чём кого-нибудь просила, но сейчас готова была ради Эмбер на колени перед этим северянином встать.

– Позже, как здесь закрепимся, я отведу один из домов под лечебницу. Но если ей станет действительно худо, можешь прибегать в любое время, не откажу.

Я счастливо заулыбалась. Лечебница! Здесь будет лечеб-

ница. На душе стало легче. Вот и надежда на лучшее будущее.

Глава 6

Эта страшная ночь и утро, наконец-то, закончились.

Меня везли домой. Живую и здоровую. К груди я прижимала мешочек с травами, который так и не выпустила. Кьерн всю дорогу молчал. Он вообще казался недовольным. А я украдкой рассматривала его внешность. Красивый по-своему мужчина, правда, необычный. Он оказался моложе, чем я думала. Но всё же явно старше вардов.

Широкоплеч, высок и строг.

Длинные пепельные, словно седые волосы собраны в низкий хвост, в глазах странный кошачий огонёк. Заметь, что я рассматриваю его, северянин ухмыльнулся, но промолчал. Он вёл себя со мной мягко, и это немного смущало. С другой стороны, интереса мужского он явно не проявлял. И это успокаивало.

Чем ближе мы подъезжали к дому, тем острее я ощущала горькое чувство вины. Эмбер ведь просила не рисковать, а я опять полезла, куда не надо. Остановившись у наших покосившихся ворот, я подождала, пока Кьерн спустит меня с лошади на землю.

В дом идти было боязно. Вдруг что с Эмбер случилось, пока я от мертвецов на крыше пряталась? Меня грызло нехорошее предчувствие.

– С калиткой что? – спросил мужчина, привязывая коня

к торчавшему из земли столбу, который некогда служил коновязью. Не дожидаясь моего ответа, северянин поднял калитку и осмотрел со всех сторон.

– Упала, – пробурчала я.

Мужчина хмыкнул и заглянул в наш неухоженный двор. На сарай, заваливающийся на бок, на не перекопанный огород и дом, густо обмазанный глиной со всех сторон.

– Вижу, что упала, – медленно протянул он. – И чего же не починили? Ты же сказала, брат и отец есть, – мужчина пристально глянул мне в глаза, явно поняв, что его обманули. – Или они за сараем опять?

Я кивнула, ведь это было правдой. Вардам-то я призналась, что одинокие мы, а Кьерну – нет. Совестно мне стало, не заслужил он лжи.

Дверь, ведущая в дом, скрипнула и на пороге появилась взволнованная Талия. Увидев меня, женщина всплеснула руками и побежала к нам.

– Где тебя носило? – воскликнула она. – Эгор с рассвета в лес тебя искать побежал, вот только воротился. На нём лица нет. Эмбер я насилу усыпила. Девочка с дуру руки на себя наложить собралась. Что же ты, Томма?

Я не знала, что ответить. Вроде и вины за мной нет, но взгляд сам собой опускался к земле. Доставила я всем хлопот, заставила поволноваться.

– Уймись, женщина, – на выручку ко мне пришёл Кьерн, – девочка всю ночь от мертвяков пряталась, а ты вместо того,

чтобы её покормить да согреть, накинулась с руганью.

Талия отпрянула от нас и с изумлением глянула на северянина.

– Так я... – попыталась оправдаться она.

– В дом пошли, там ей всё и выскажешь. Где всё-таки мужики ваши?

Талия, ухватившись нервно за свою толстую русую косу, странно глянула на воина. Выглядела она растеряно, а вот щеки её подозрительно вспыхнули. Смутилась она, что-то тут было не ладно. Чтобы соседка моя да перед мужиком робела? Да никогда не было такого.

– Так нету их. Один мой сынок на два дома, – негромко пробормотала она.

– А за сараем? Что, нет никого? – хмыкнул Кьерн.

– За сараем, – Талия не поняла, о чем он, – так могилы там, господин.

– Я северянин, женщина, – приставив калитку к шаткому забору, Кьерн решительно вошел во двор, – а к северянам обращаются не господин, а вий. Понятно?

Мы кивнули. Чего уж тут непонятного.

Зайдя за сарай, Кьерн нахмурился. Мы неторопливо последовали за ним, при этом Талия странно придержала меня за руку. Обогнув строение, я замерла. Рядом с могилами родителей и брата непонятно откуда взялись еще три неглубоких пустых ямы, а у изголовья каждой пристроена плоская доска от забора с табличкой. Подойдя ближе, я прочитала:

«Томмали», «Эмбер», «Лестра».

– Это что? – выдохнула я, опешив.

– Я Эмбер с утра нашла, хотела узнать, готова ли ты идти, ну, знаешь... с Эгором. А она тут сидит вся в слезах, последнее имя ножом дорезает.

Прикрыв глаза от ужаса, я не сдержала слёз. Ко мне потянулась мужская рука и, обняв за плечи, прижала к сильному и тёплому мужскому телу.

– Это что вообще такое? – уточнил северянин, легонько поглаживая меня по спине.

– Могилы для меня и сестёр, – глухо призналась я.

– Ну, это вы поспешили, красавицы, – мужчина отстранил меня и заглянул в мои глаза, – вам ещё жить и жить. А это безобразие мы потом закопаем. Сейчас в дом. Будем болезненных лечить. Веди, женщина, – скомандовал он, глядя на Талию.

Она замешкалась.

– Так не хозяйка я, мой дом следующий, – негромко призналась она.

– Я тебе потом скажу, где твой дом, а пока веди туда, где есть возможность траву запарить и в тепле обогреться. Не видишь, девочка вся промокла до нитки.

Выслушав указания мужчины, Талия, не возражая, понеслась отворять для нас дверь.

– Кто бы мог подумать, что тут так много сияющих, – услышала я тихое от Кьерна.

– У нас многие магией владеют, – так же шёпотом ответила я. – Значит, мы все сияющие, по-вашему?

– Да, и это очень хорошо, – довольно произнес он.

– Почему? – не удержала я любопытства.

– Потому что жениться мы на вас будем. Уж я так точно буду, – мужчина расплылся в счастливой улыбке. – Мы своих женщин за версту видим, достаточно одного взгляда, чтобы опознать её, избранную свою.

– Прямо-таки и одного? – улыбнулась я в ответ, заходя с гостем в дом.

– Мне, чистокровному иному, и одного достаточно, ну, полукровкам, как варды наши, наверное, двух, или по запаху поймут.

– По какому запаху? – я остановилась в проходе и приподняла брови в недоумении.

– Древние, маги, предки ваши, в общем, так женщин выбирали. А на севере так до сих пор выбирают. Запах, он подсказывает: кто-то слышит его чётче, кто-то слабее.

– Ужас, – я сморщилась от отвращения, вспоминая, как пахнут наши мужики после работы.

– Почему? – теперь удивился северянин.

– Ничего не может быть хуже запаха пота, – честно призналась я и в ответ услышала лишь смех.

– Глупая ты девочка, не этот запах, а магический шлейф. У нашего вардигана – это аромат зелёных яблок. Смеху было среди воинов, когда выяснилось, чем для своей единствен-

ной он благоухает.

– Магический, – повторила я в недоумении.

Я никогда не ощущала такого аромата от мужчин.

– Да, магический, – услышав, о чём мы говорим, к нам подошла Талия, – я слышала этот аромат от своего Мово, слабый был запах, но всё же.

– И чем же он пах? – спросил Кьерн, пристально, как-то даже ревниво глянув на мою соседку.

– Ландышами, – призналась она, пожав плечами.

Я призадумалась. Да, у нас была присказка «а я милого учую с полверсты», но вот что это в буквальном смысле – никогда не знала. Мама ни о чем таком никогда не говорила, да и так не слышала ни от кого в деревне. Но Талия со своим Мово с детских лет под ручку ходили, и люди говорили, что они магией повенчаны.

– А что, у вас только вот так по запаху да по взгляду любимого выбирают? – спросила я, проходя в единственную жилую комнату нашего дома. Все остальные помещения мы давно заперли, чтобы не протапливать в них. Отец после смерти мамы всё намертво заколотил и велел не трогать.

С тех пор здесь, в большой зале и спали, и кушать готовили.

– Ну почему, – мужчина пожал мощными плечами и бросил короткий взгляд на Талию, – запах или взгляд – это только подсказки. Все мы дети этого мира. Все связаны ниточками незримыми. А нам, Иным, сложнее всего: холод в душах

наших. Вот боги и помогают нам быстрее найти половину своего сердца, чтобы не плутали дети Стужи по снегам в поисках душевного тепла.

– Это как так? – не удержала любопытства Талия, рядом с ней замерли две её дочери – двойняшки Ли и Тиа. Смышленные малышки тоже заинтересовались словами дяди. У них был именно тот возраст, когда девочки начинают с открытым ртом слушать рассказы о влюблённых воинах и прекрасных княжеских дочерях. А тут такой большой интересный мужчина да такие речи ведет.

– Признаться, перейдя через Туман, мы были очень удивлены тем, насколько вы отличаетесь от нас, – продолжил свой рассказ северный воин. – Вы ведь потомки древних, что не ушли на север, но кровь настолько разбавлена, что зов её потерял. При этом ваши женщины магически в стократ сильнее наших. А мужчины – слабаки. Мы готовились к войне, а по факту воевать-то и не с кем.

При слове «война» я поморщилась.

– Отвоевались уже, – пробурчала Талия, которой такие откровения тоже не шибко-то понравились, – нет их уже, мужиков-то. Старики да подростки.

– Ну и замечательно, – Кьерн даже в ладоши хлопнул, да так громко, что я моргнула. – Пройдёмся боевым парадом по вашим землям.

– Народ поработите, последних мужиков добьёте, – не удержавшись, добавила Талия.

Кьерн, хмыкнув, прошёлся по комнате, отодвинул стул и уселся за обеденный стол. Да так нагло он всё это проделал, что я только диву давалась. Он вообще вёл себя странно, словно обживался уже. И всё на Талию неприкрытые взгляды бросал, смущая ту до румянца на щеках.

– И много мы ваших тут поработили или добили? Ну не считая ходячих мертвяков. Я надеюсь, это не за них мне претензия прилетела от тебя, женщина?! А то я могу притаскивать каждого, кого собираюсь упокоить, и спрашивать, мил он тебе или нет.

Талия растеряно замерла и глянула на большого мужчину, под которым скрипел хлипкий стул. Вот только сказать-то ей было нечего, пока нам только работу дали, да чуть безопаснее жизнь сделали.

– Простите, – услышала я от неё, – я забылась. Я не желала выказать своё недовольство или оскорбить.

Кьерн не вставая, подался чуть вперёд, и уже не скрывая своего мужского интереса, демонстративно прошёлся взглядом от её ножек до лица, и как-то странно оскалился, не зло, но вот хищно, что ли. Я вообще никогда не видала, чтобы мужчины вели себя так.

– Ты сейчас меня оскорбляешь, женщина. Так что лучше замолчи и перестать мямлить перепугано. – Кьерн, наконец, отвел взгляд от Талии и внимательно осмотрелся, изучая нашу скромную обстановку. – Травяной отвар какой найдётся у вас? Пить хочется, с утра за умертвиями по туману носи-

лись.

Талия, спохватившись, кинулась к печи. Я же отмерев, захлопнула дверь и подошла к спящей Эмбер. Она спала, свернувшись клубочком на койке.

– Талия? – тихо позвала я соседку. – А чем ты её опоила?

Сестра чуть пошевелилась, словно голос мой услышала, но глаз не открыла. Я подтянула ей на плечи одеяло, чтобы не замёрзла.

– Успокоительным, она всю ночь не спала, похоже, – негромко ответила Талия. – Главное чтобы хворь окончательно не одолела. Жар спал, но сама знаешь, к вечеру может вернуться.

– Талия, значит, тебя зовут, – улыбнулся мужчина, внимательно слушающий наш разговор. – Мужа нет, трое деток.

Пригладив спящей сестре волосы, я обернулась. И всё же мне не показалось, этот воин, Кьерн, вёл себя ну очень странно. Тут же вспомнилось, что он про женщин наших выводывал. Уж не на Талии ли он жениться собрался? Вот что напрашивалось на ум.

– Я всё ещё жду настоя и чего-нибудь поесть, – напомнил слегка грубовато северянин.

– Дяденька, а кушать уже нету, – тоненьким голоском тихо прошептала Ли. Обе девочки с таким интересом рассматривали незнакомого мужчину, словно диковинку. Они были ещё младенцами, когда их отец ушёл воевать за интересы князя. Вернувшись, он не часто бывал дома, постоянно ухо-

дил в Туман, будто искал там что-то, но нашёл лишь смерть. Так что девочки сейчас изучали война с тихим детским интересом.

– Совсем-совсем ничего? – нагнувшись к ним, спросил Кьерн.

– Совсем, – важно закивали те, – Эгор сказал, все силки и ловушки разворовали и испортили, мстят, что он вчера принёс хлеб и сыр, а у других его нету.

– А где же сыр и хлеб? – улыбаясь, поинтересовался мужчина.

– Скушали, – честно призналась Тия.

– Молодцы, – похвалил северянин девочек, – а вы бублики любите?

– Не знаем, а они вкусные? – у Ли загорелись глазки.

– Очень, – заговорщицки шепнул Кьерн.

– Не надо им рассказывать о том, что вкусно, а что нет, – Талия сурово дзинькнула чугуном, – вы сейчас уйдёте, а они весь вечер будут о бубликах спрашивать.

Мужчина встал и неспешно вышел. Мы замерли.

– Зря я так, – спохватилась Талия, – ой зря. Мало ли, ещё обидится и не придёт на помощь в следующий раз, а то и накажет за язык мой длинный.

Казалось, она расстроена и раздосадована своим же поведением.

– Ну, кто меня просил высказывать своё мнение? – продолжала она сокрушаться.

Дверь скрипнула, вернулся Кьерн. В его руках обнаружилась холщовая сумка.

– Да, не знал я, что в гостях окажусь, но уж чем богат. Он развязал тесёмочки и распахнул мешок перед носиками любопытных малышей. Внутрь несмело заглянула Ли, за ней Тиа.

– Ух, ты! – выдали малышки.

Дверь приоткрылась, и в дом вошёл заспанный Эгор.

– Живая, – зевнул он, – а я всё утро между теней бегал, тело твоё искал. Где была?

– На крыше дома отшельников сидела. Мёртвые они все оказались – призналась я.

– А тебе вечно больше всех нужно. У них свет уж дня три не горит, и все мимо ходят, а ты сунулась, – Эгор был недоволен мною.

– А у сынка твоего, Талия, здравый смысл как у мужика взрослого.

Кьерн достал из своего мешка связку с шестью бубликами и отдал малышам, остальное – хлеб, пол головки сыра, большой шматок соленого сала – положил на стол.

– Здравствуйте, – почтительно поздоровался Эгор и, пройдя через комнату, уселся рядом со мной, в ногах спящей Эмбер.

– Невеста? – северянин кивнул в сторону моей сестры.

– Нет, что вы, – засмеялась Талия, – моему мальчику только пятнадцать годков исполнилось, а Эмбер уже в пору не-

сты вошла.

— А выглядит, как дитя, — Кьерн внимательней всмотрелся в спящую девушку.

— Болеет с самого детства. Мама их близнецов родила. Мальчик через неделю умер, во сне. А Эмбер... сколько раз из лап смерти вырывали, лихорадку сбивали.

На лице Талии отразилось столько нежности. В этот момент я поняла, что семья моя несколько больше, чем я думала. Ведь эта женщина и её дети мне вовсе не чужие.

— Варду Саю бы её показать. Он редко кому отказывает, когда дело серьёзно, — Кьерн пригладил волосики крутящейся у его ног Ли. И выглядел этот жест так естественно, будто он своё дитя родительской лаской одарил. Видя, как сестра смело изучает чужого огромного дядьку, к ней присоединилась и более робкая Тиа. Северянин лишь по-доброму ухмыльнулся и усадил малышей к себе на колени.

— Да какое князю-то вашему дело до нас, простых крестьян? — хмыкнул Эгор, громко зевая. — Видал я вашего варда. Он даже с виду злой. Кто же к нему сунется просьбы озвучивать?

Кьерн весело засмеялся, в его голубых холодных глазах, похожих на замерзший лёд, загорелся красный огонёк.

— А ты как, парень, думал? На севере правят сильные. Варды наши сами свой кусок земли отвоевывали. Пацанами ещё были, вот как ты, а уже мечами свою дорогу к власти прорубали. И магия их на крови закаливалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.